T 20
357

120
357

СВЯТЫЕ

КОНСТАНТИНЪ и МЕѲОДІЙ,

ПЕРВОУЧИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°.)
Леонтьевск. пер., домъ Лаврова.
1885.

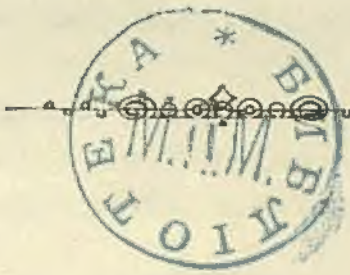
20
357

801-87
9241-1

СВЯТЫЕ

КОНСТАНТИНЪ и МЕѲОДІЙ,

ПЕРВОУЧИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ.



МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°.)
Леонтьевск. пер., домъ Лаврова.
1885.

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи.
Академіи Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ.*

2007043150

Святые Константинъ и Меѳодій, первоучители Славянскіе.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московской Духовной Академіи 6-го апрѣля 1885 г. проф. Е. Голубинскимъ.

Сегодня весь славянскій міръ вообще, а восточнославянская православная церковь въ частности, празднуютъ память тысячелѣтія двухъ своихъ великихъ мужей, своихъ первоучителей и апостоловъ, родныхъ братьевъ по плоти или, какъ это говорилось по-болгарски, — самобратьевъ, св. Константина философа, нареченнаго въ предсмертномъ монашескомъ постриженіи Кирилломъ, и св. Меѳодія, архіепископа моравскаго.

Я предложу вашему вниманію краткую бесѣду о жизни и дѣятельности нашихъ славянскихъ великихъ мужей, память тысячелѣтія которыхъ мы сегодня празднуемъ [1]).

Святые Константинъ и Меѳодій называются славянскими первоучителями и апостолами не въ собственномъ или буквальномъ смыслѣ этихъ словъ: не они первые озаботились обращеніемъ Славянъ въ христіанство, что̀ началось болѣе или менѣе задолго до нихъ. Они называются такъ въ смыслѣ переносномъ или духовномъ, потому что первые, являя изъ себя истинныхъ апостоловъ, возревновали о надле-

жащемъ наученіи Славянъ христіанству, — что, доставляя имъ возможность разумно и съ пониманіемъ совершать общественную молитву, ввели у нихъ церковное богослуженіе на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ, для каковой цѣли изобрѣли и собственную славянскую азбуку.

Первоучителями и апостолами Славянъ въ сейчасъ указанномъ нами смыслѣ святые Константинъ и Меѳодій явились, бывъ вызваны на дѣятельность однимъ изъ западныхъ славянскихъ народовъ—Моравами, но они сами были не съ латинскаго запада, а съ греческаго востока, — они были византійскіе Греки. Ихъ родиной былъ главный городъ македонской области византійской имперіи Ѳессалоника, въ славянскомъ переименованіи — Солунь. По своему происхожденію они принадлежали къ высшему дворянству имперіи или къ знатнѣйшей ея аристократіи. Ихъ отецъ, по имени Левъ, по родовому прозванію неизвѣстный, служивъ въ военной службѣ и состоявъ въ корпусѣ войскъ своего роднаго города, имѣлъ, выражаясь по нашему, должность начальника полка и чинъ генерала. Между двумя братьями Меѳодій былъ старшимъ, а Константинъ младшимъ. Старшій братъ, неизвѣстно въ какомъ году родившійся, достигнувъ возраста юношескаго, поступилъ на государственную службу, по всей вѣроятности— ту же военную, въ которой служилъ и отецъ, и въ довольно молодыхъ годахъ, приблизительно — лѣтъ 30-ти, за свою „быстрость“, замѣченную самимъ императоромъ, т. е. за обнаруженныя имъ административныя способности, назначенъ былъ на отвѣтственный постъ воеводы или уѣзднаго начальника одной области, заселенной Славянами, представлявшими изъ себя гражданъ далеко не всегда спокойныхъ. На воеводствѣ славянскомъ Меѳодій пробылъ значитель-

но долго, нужно полагать—лѣтъ около 10-ти; но на этомъ и кончилось его мірское житейское поприще: ожидали мужа его судьбы, и изъ офицера и чиновника онъ сталъ монахомъ. Біографъ Меѳодія говоритъ, что онъ рѣшился пойдти въ монахи, „узрѣвъ молвы многи безчинны въ житіи семъ“. Это неопредѣленное „молвы многи безчинны“ должно понимать или такъ, что призвали его къ монашеству его природныя наклонности, которыя въ годы юности, по причинѣ особой житейской обстановки, заглушены были иными мечтами и помыслами, но которыя потомъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, пробудились со всей неудержимой силой, или же такъ, что довелось испытать ему какія нибудь очень глубокія огорченія,—что постигли его какія нибудь тяжкія несчастія, которыя дѣлали жизнь противною и невыносимою и невольно обращали мысль къ пристанищу отъ треволненій и напастей житейскаго моря—монашеской кельѣ. Мы не знаемъ, былъ или не былъ Меѳодій женатъ; если первое, что̀ представляется, повидимому, болѣе вѣроятнымъ, то нужно думать, что, рѣшившись постричься въ монахи, онъ отдалъ жену и дѣтей на попеченіе родственниковъ (если только первая одновременно съ нимъ также не постриглась въ монашество). Для аскетическихъ подвиговъ онъ отправился на одну, населенную монахами и усѣянную многими монастырями, гору, на которой въ то время, уже вовсе не бывшее временемъ процвѣтанія монашества въ Греціи, послѣднее, какъ нужно думать и какъ прямо даетъ знать его біографъ, еще оставалось болѣе или менѣе строгимъ, это именно — на малоазійскій Олимпъ (который тянется на югъ и на юго-востокъ отъ Бруссы). Постригшись въ монахи въ одномъ, неизвѣстномъ по имени, изъ монастырей Олимпа, Меѳодій началъ усерд-

но монашествовать: бывшій знатный и богатый аристократъ смиренно сравнялся съ прочею братіей, чтобы ревностно исполнять обѣтъ монашескаго послушанія и всѣ сполна монашескіе обѣты. Не получивъ въ юности достаточнаго богословскаго образованія, теперь имѣлъ онъ время восполнить этотъ недостатокъ, и все свободное отъ прямыхъ своихъ обязанностей время онъ отдалъ прилежному чтенію отеческихъ писаній.

Младшій братъ, истинный виновникъ великаго дѣла, каково—дарованіе Славянамъ богослуженія на ихъ собственномъ языкѣ, родился въ 827 г. Надѣленный отъ природы исключительно блестящими талантами, онъ заявилъ ихъ, какъ не рѣдко имѣетъ мѣсто этотъ случай съ необыкновенными людьми, чрезвычайно рано: уже на школьной скамьѣ первоначальнаго училища грамотности онъ обнаружилъ такую остроту способностей, что приводилъ всѣхъ въ удивленіе и считался мальчикомъ феноменальнымъ. Чрезъ несчастіе въ забавѣ еще отрокомъ призванный на путь отрѣшонной отъ суеты міра богомысленной жизни съ самимъ собой, для которой былъ созданъ, Константинъ, послѣ наученія грамотѣ, предался чтенію твореній отеческихъ; но скоро увидѣлъ, что высоко богословствующіе отцы не могутъ быть доступны его пониманію безъ настоящаго ученія наукамъ, что̀ и обратило всѣ его помыслы къ этимъ послѣднимъ и зажгло въ немъ страстное и непреодолимое желаніе стать однимъ изъ числа ихъ счастливыхъ адептовъ. Въ Солуни вовсе не оказалось людей, способныхъ и наклонныхъ преподавать науки, и Константинъ впалъ было въ великое уныніе; но была услышана Богомъ его горячая молитва о поданіи ему возможности научнаго образованія. Одинъ изъ двухъ опекуновъ тогдашняго малолѣтняго императора Михаила III

логоѳетъ Ѳеоктистъ или былъ хорошо знакомъ съ его отцомъ въ то время, о которомъ говоримъ, уже умершимъ, или же, можетъ быть, состоялъ съ нимъ и въ родствѣ; этотъ Ѳеоктистъ узналъ о страстномъ желаніи нашего юноши учиться, равно какъ и о всѣхъ прекрасныхъ его качествахъ, не исключая и тѣлесной красоты, и, пришедъ къ мысли ввести его въ общество малолѣтняго императора, вызвалъ его въ Константинополь для слушанія наукъ у придворныхъ преподавателей, которыхъ незадолго передъ тѣмъ собралъ другой опекунъ государя,—кесарь Варда, и корпорацію которыхъ между прочимъ украшалъ собою, присоединившись къ нимъ по своей доброй волѣ или какъ бы въ качествѣ частнаго лектора, знаменитый Фотій, впослѣдствіи патріархъ Константинопольскій, тогда еще свѣтскій чиновникъ и очень молодой человѣкъ. У придворныхъ преподавателей Константинъ выслушалъ полный тогдашній курсъ наукъ, состоявшій изъ такъ называемыхъ trivium'a и quadrivium'a; при этомъ въ грамматикѣ, которая должна быть понимаема въ болѣе обширномъ смыслѣ филологіи и къ которой онъ имѣлъ особенную природную склонность, онъ показалъ успѣхи чрезвычайно быстрые, а въ наукахъ философскихъ, которыя преподавалъ Фотій,—успѣхи столько серьезные, что прозваніе философа, съ которымъ онъ извѣстенъ, было усвоено ему еще во время ученія; вмѣстѣ съ успѣхами въ послѣднихъ наукахъ онъ пріобрѣлъ и искреннюю дружбу ихъ знаменитаго преподавателя.

Послѣ того, какъ Константинъ блистательнымъ образомъ окончилъ ученіе, ему предложена была исключительно блестящая карьера на поприщѣ государственной службы. Помянутый логоѳетъ Ѳеоктистъ, у котораго въ домѣ онъ и жилъ во время ученія,

не имѣя собственныхъ дѣтей, ибо былъ человѣкъ холостой, привязался къ чрезвычайно одаренному и во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшему и привлекательнѣйшему юношѣ, какъ къ родному сыну: онъ-то и предложилъ ему—Константину исключительно блестящую карьеру. Желая формальнымъ образомъ усыновить его или же по крайней мѣрѣ пріобрѣсти право видѣть въ немъ своего настоящаго сына, онъ придумалъ женить его на своей крестной дочери,—дѣвушкѣ съ богатымъ приданымъ и изъ весьма знатнаго семейства, и при этомъ обѣщалъ ему, что, тотчасъ же назначенный на возможно хорошую должность, онъ скоро будетъ сдѣланъ даже стратигомъ, что̀ соотвѣтствуетъ нашему генералъ-губернатору. Но будущій апостолъ Славянъ, какъ мы сказали, былъ созданъ не для обыкновенной жизни; представляя изъ себя въ своей аристократической средѣ какъ бы нѣкотораго выродка, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые чувствуютъ неодолимую потребность посвятить себя исключительно внутренней жизни мысли и богомыслія, безраздѣльно отдать себя книгамъ и знанію человѣческому и божественному, и которые, будучи совершенно чужды всякаго житейскаго искательства и честолюбія, питаютъ рѣшительное отвращеніе ко всѣмъ обязательствамъ внѣшней жизни, поелику эти послѣднія такъ или иначе, много или мало, могли бы требовать ихъ заботъ и времени. На предложеніе Ѳеоктиста, отъ котораго у всякаго юноши закружилась бы голова до помраченія разума, Константинъ далъ категорически отрицательный отвѣтъ, достойный истиннаго философа, явивъ себя таковымъ истиннымъ философомъ въ годы 20-лѣтней съ небольшимъ юности. Должно думать, что по окончаніи ученія онъ разсчитывалъ поселиться гдѣ нибудь въ уединеніи, чтобы вести образъ жиз-

ни, соотвѣтственный своимъ наклонностямъ и предаться своимъ любимымъ занятіямъ съ полной свободой. Но люди, которыхъ онъ заставилъ горячо полюбить себя, все таки не хотѣли разстаться съ нимъ; Ѳеоктистъ пошелъ къ императрицѣ—матери и предложилъ, чтобы его юный философъ, не любящій жизни, былъ поставленъ во священники (подразумѣвается — холостымъ) и былъ сдѣланъ патріаршимъ библіотекаремъ во св. Софіи, дабы хотя такимъ образомъ, т. е. посредствомъ книгъ, могъ быть удержанъ въ столицѣ. Такъ и было поступлено. Однако, Константинъ очень не долго оставался хранителемъ страстно любимыхъ имъ книгъ. Весьма вѣроятно, что, сдѣлавъ его библіотекаремъ, ему не давали заниматься книгами и сильно отвлекали отъ нихъ, возложивъ на него какія нибудь сторонніе обязанности или труды. Какъ бы то ни было, онъ тайно оставилъ столицу, чтобы укрыться въ одномъ изъ монастырей, находившихся на побережьи Мраморнаго моря. Но поступивъ и столько рѣшительнымъ образомъ, онъ не былъ предоставленъ Ѳеоктистомъ его собственной судьбѣ: послѣ шестимѣсячныхъ поисковъ послѣдній открылъ его въ его монастырѣ и снова возвратилъ въ столицу. Такъ какъ не смотря на всѣ настоянія, онъ почему-то не хотѣлъ уже болѣе принимать на себя прежней должности, то его „умолили“, — употребляемъ выраженіе его біографа,— присоединяться къ числу тѣхъ придворныхъ профессоровъ, у которыхъ онъ недавно учился, и преподавать философію. О преподаваніи Константиномъ философіи мы ничего не можемъ сказать положительнаго, кромѣ того, что его слушатели состояли не только изъ самихъ Грековъ, но и изъ иностранцевъ; во всякомъ случаѣ мы имѣемъ косвенныя доказательства, что о немъ составлено было, какъ о препода-

вателѣ своей науки, мнѣніе самое лучшее. Доказательства состоятъ въ томъ, что въ наше время на него возлагаемы были правительствомъ два порученія, которыя требовали діалектической способности диспутанта въ самой сильной степени: это—два богословскіе диспута, одинъ—домашній, другой—международный; первый диспутъ—съ представителемъ иконоборства, низложеннымъ Константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ или Янніемъ; второй диспутъ—съ магометанскими учеными. По недостатку времени мы, къ сожалѣнію, не можемъ распространяться объ этихъ диспутахъ, о которыхъ сообщаются намъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія; но изъ обоихъ Константинъ вышелъ съ полною честію, хотя очень можетъ быть, что противники, какъ это вообще бываетъ слѣдствіемъ и результатомъ всякихъ диспутовъ, и не признали себя побѣжденными. Второй диспутъ, на которомъ христіанство вступало въ состязаніе съ магометанствомъ, не только былъ чрезвычайно отвѣтственнымъ, поелику дѣло шло о чести христіанства, но представлялъ со стороны Константина настоящій и очень большой нравственный подвигъ, ибо по желанію арабскаго калифа, которому Греки не могли отказать, вслѣдствіе своихъ тогдашнихъ отношеній къ нему, онъ долженъ былъ предпринять путешествіе въ самую тогдашнюю столицу арабской имперіи Багдадъ и въ этомъ калифѣ, по имени Джафаръ-Мутаваккилѣ, долженъ былъ предстать предъ самаго свирѣпаго и необузданнаго деспота, какой только когда нибудь бывалъ и какого только можно себѣ представить [2]). По возвращеніи изъ Багдада Константинъ продолжалъ нѣкоторое время преподавать философію, а потомъ, вѣроятно, не будучи въ состояніи совладѣть съ своею страстію къ созерцательной жизни съ однимъ собой, снова оставилъ столицу. Нѣкоторое,

неизвѣстно сколь-долгое, время, онъ жилъ гдѣ-то въ уединенномъ мѣстѣ, при чемъ показалъ себя въ своемъ поведеніи не только философомъ, но и христіанскимъ великимъ нищелюбцемъ и подвижникомъ; а затѣмъ, вѣроятно—исполняя просьбу Меѳодія, желавшаго имѣть себѣ въ немъ руководителя въ пріобрѣтеніи богословскаго образованія, переселился къ сему послѣднему въ его Олимпійскій монастырь. Изъ монастыря, по порученію правительства, Константинъ долженъ былъ совершить другое весьма далекое путешествіе, подобное Багдадскому и для подобной же цѣли, именно—путешествіе къ Хазарамъ, жившимъ въ нынѣшней юго-восточной европейской Россіи и имѣвшихъ свою столицу въ городѣ Итилѣ, нынышней нашей Астрахани, для желавшагося хазарскимъ каганомъ или государемъ богословскаго преній съ тамошними евреями и магометанами, при чемъ имѣлъ своимъ спутникомъ и Меѳодія. По возвращеніи изъ Хазаріи Константинъ не возвратился въ Меѳодіевъ монастырь, а поселился въ Константинополѣ при знаменитой церкви свв. апóстоловъ (служившей усыпальницею для императоровъ): это, какъ должно думать, потому, что онъ предположилъ описать свой хазарскій диспутъ въ видѣ обстоятельнаго полемическаго сочиненія противъ іудейства и магометанства, для чего нужны были ему книги, которыхъ въ достаточномъ количествѣ можно было найдти только въ столицѣ. Что касается до Меѳодія, то сей послѣдній, отказавшись отъ предложеннаго было ему императоромъ и патріархомъ сана епископскаго съ лучшей митрополичьей или архіепископской каѳедрой, заставленъ былъ принять должность игумена въ одномъ большомъ императорско-ктиторскомъ монастырѣ, находившемся на горахъ Сигріанскихъ, сосѣднихъ съ Олимпійскими.

Когда одинъ изъ братьевъ жилъ въ столицѣ, занимаясь писаніемъ помянутаго сочиненія, а другой игуменствовалъ въ своемъ монастырѣ, въ Константинополь прибыло посольство отъ Моравовъ, и отсюда началась славянская дѣятельность обоихъ братьевъ.

Западно-славянскій народъ Моравы, выступившіе на поприще исторіи, подобно всѣмъ другимъ Славянамъ, не народомъ, соединеннымъ въ одно государство, а народомъ, раздѣленнымъ на многія мелкія владѣнія, въ 803 г. признали надъ собою верховную власть франкскаго императора Карла Великаго, а вскорѣ послѣ его смерти, вслѣдствіе раздѣленія имперіи, произведеннаго въ 817 г. его сыномъ Людовикомъ Благочестивымъ, достались Нѣмцамъ. Одновременно съ тѣмъ, какъ случилось это послѣднее, между ихъ удѣльными князьями явился у нихъ князь, по имени Моймиръ, который задался мыслью соединить народъ въ одно государство, чтобы потомъ свергнуть иноземное иго. Достигнувъ первой цѣли чрезъ подчиненіе себѣ всѣхъ прочихъ удѣльныхъ князей, онъ не успѣлъ достигнуть второй цѣли, ибо Нѣмцы, едва только замѣтили опасность, какъ поспѣшили отнять у него великокняжескій престолъ и передать его другому. Этотъ другой, по имени Ростиславъ или Растицъ, началъ преслѣдовать мысль своего предшественника еще съ бо̀льшею энергіей, и такъ какъ владѣлъ бо̀льшими средствами и поставленъ былъ въ болѣе счастливыя условія, то дѣйствительно и успѣлъ освободить отечество отъ власти Нѣмцевъ. Событіе имѣло мѣсто въ 855 г., и съ сего времени началась у Моравовъ непрерывная и ожесточенная борьба съ Нѣмцами за независимость. Наша борьба и была причиною посольства Моравовъ къ Грекамъ, имѣвшаго своимъ слѣдствіемъ то, что

Константинъ философъ даровалъ Славянамъ богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ. Будучи обращены Нѣмцами въ христіанство въ неособенно задолгое передъ тѣмъ время, въ началѣ того же IX в., Моравы не имѣли своего собственнаго духовенства не только высшаго, но и низшаго: принадлежавъ въ церковномъ отношеніи къ нѣмецкой архіепископіи Зальцбургской и въ архіепископіи состоявъ подъ непосредственной властью епископа Пассавскаго (Пассаускаго), они получали себѣ нѣмецкихъ священниковъ отъ этого своего епископа. Когда возгорѣлась между ними и Нѣмцами ожесточенная борьба, они должны были найдти весьма неудобнымъ для себя обстоятельствомъ свою церковную зависимость отъ нѣмецкихъ архіепископа и епископа, и еще болѣе неудобнымъ обстоятельствомъ то, что само низшее, жившее среди нихъ, духовенство было нѣмецкое, ибо нѣмецкіе священники, при данныхъ обстоятельствахъ, должны были превратиться въ нѣмецкихъ агентовъ и шпіоновъ. Моравы и рѣшились избавиться отъ нѣмецкой высшей церковной власти и отъ нѣмецкаго низшаго духовенства. Сначала они обратились съ просьбою объ этомъ къ папѣ, именно,— какъ должно подразумѣвать, съ просьбою, чтобы вмѣсто архіепископа нѣмецкаго онъ подчинилъ ихъ одному изъ архіепископовъ итальянскихъ, съ дарованіемъ ихъ странѣ и низшаго приходскаго духовенства итальянскаго вмѣсто нѣмецкаго; но затѣмъ, или потому, что папа отказалъ имъ въ ихъ просьбѣ, или потому, что они сами передумали, пожелавъ пріобрѣсти бо́льшее, нежели чего находили возможнымъ просить у папы, они рѣшились обратиться къ Грекамъ [3]). Если сами передумали, то весьма вѣроятно принимать, что на перемѣну ихъ рѣшенія отчасти имѣли вліяніе и разсчеты политическіе. Сосѣ-

дями Моравовъ съ востока были Болгары, которые въ IX вѣкѣ владѣли нынѣшней восточной Венгріей по рѣку Тису или Тейссу. Послѣ того, какъ между ними—Моравами и Нѣмцами началась борьба, имъ удалось было сначала привлечь Болгаръ къ союзу съ собою противъ Нѣмцевъ; но потомъ Нѣмцы успѣли переманить Болгаръ на свою сторону. Такъ какъ Греки въ свою очередь были сосѣдями Болгаръ на югѣ, то Моравы, рѣшившись предложить себя имъ въ церковное подчиненіе, могли до нѣкоторой степени надѣяться, что они—Греки, вознаграждая ихъ—Моравовъ за это подчиненіе, изъявятъ готовность вести себя по отношенію къ Болгарамъ такъ, чтобы отвлекать послѣднихъ отъ помощи Нѣмцамъ.

Принужденные ли обратиться къ Грекамъ вслѣдствіе отказа папы или же сами пожелавъ пріобрѣсти бо́льшее, нежели чего находили возможнымъ просить у папы, Моравы во всякомъ случаѣ обратились къ Грекамъ съ просьбою объ этомъ бо́льшемъ: они просили себѣ у нихъ не низшаго приходскаго духовенства, а епископа, съ тѣмъ, какъ надлежитъ подразумѣвать, чтобы данный имъ или ихъ странѣ епископъ поставилъ имъ, а его преемники продолжали затѣмъ поставлять странѣ священниковъ изъ ихъ собственной среды или изъ самихъ природныхъ Моравовъ. Какъ бы то ни было, однако и Греки на первый разъ хотѣли дать Моравамъ не бо́льшее того, что́ они просили у папы: отстраняя просьбу объ епископѣ, Греки рѣшили пока послать имъ только своихъ священниковъ (подобно тому, какъ на первый разъ они не дали епископа, а однихъ только священниковъ и Болгарамъ, принявшимъ отъ нихъ христіанство непосредственно въ слѣдъ за посольствомъ моравскимъ). Въ начальники надъ священниками, имѣвшими отправиться въ Моравію, и былъ

выбранъ нашъ Константинъ философъ, неожиданно даровавшій Славянамъ этотъ великій даръ—богослуженіе на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ.

Чрезвычайно труднымъ для того времени путешествіемъ въ хазарскій Итиль, — нашу нынѣшнюю Астрахань, Константинъ разстроилъ свое здоровье. Но, не смотря на то, что онъ чувствовалъ себя очень нехорошо и совсѣмъ больнымъ, найдено было за необходимое просить о принятіи начальства надъ священниками, имѣвшими отправиться въ Моравію, именно его, а не кого нибудь другаго, по той причинѣ, что онъ и его братъ, который предназначался сопутствовать ему, знали славянскій языкъ. Константинъ и Меѳодій знали славянскій языкъ потому, что были родомъ Солуняне. Извѣстно, что Славяне, хлынувшіе съ конца IV—начала V вѣка изъ Дакіи на Балканскій полуостровъ, въ южной части послѣдняго, имѣли свои сплошныя поселенія главнымъ образомъ около Солуни. Обширная равнина, прилегающая къ Солуни, или такъ называемое солунское поле было очень густо и почти исключительнымъ образомъ заселено ими. Между городомъ и составлявшими его округу деревнями были самыя живыя сношенія, ибо городъ служилъ для деревень рынкомъ; всякой прислугой и всякими рабочими въ городѣ были по преимуществу Славяне: а по этому солунскіе Греки и знали болѣе или менѣе славянскій языкъ; подобнымъ образомъ у насъ въ Россіи, если природные Русскіе живутъ гдѣ нибудь вмѣстѣ съ инородцами, то обыкновенно болѣе или менѣе знаютъ языкъ послѣднихъ. Очень можетъ быть, что Константинъ зналъ славянскій языкъ не особенно хорошо и даже совсѣмъ только отчасти; но Меѳодій зналъ его совсѣмъ хорошо: послѣ нѣкотораго знакомства съ нимъ, пріобрѣтеннаго въ дѣтствѣ, онъ долженъ былъ совер-

шенно бѣгло выучиться говорить на немъ и, по свидѣтельству его житія, дѣйствительно выучился, когда въ продолженіи около 10-ти лѣтъ былъ воеводою славянскимъ.

Моравы ожидали, что Греки пришлютъ имъ епископа, который, поставивъ имъ священниковъ изъ среды ихъ самихъ, введетъ у нихъ богослуженіе на греческомъ языкѣ, какъ дотолѣ совершалось оно у нихъ священниками нѣмецкими на языкѣ латинскомъ. Константинъ пришелъ къ нимъ, чтобы ввести у нихъ богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ славянскомъ...

Можетъ ли, повидимому, быть иначе того, чтобы у каждаго народа богослуженіе совершалось на его собственномъ, природномъ, языкѣ?—и какъ, повидимому, можетъ быть то, чтобы у какого нибудь народа оно совершалось на чужомъ, непонятномъ для него, языкѣ? Богослуженіе должно быть понимаемо людьми, для которыхъ оно совершается, ибо для этого именно и совершается: но какъ будетъ оно понимаемо, когда будетъ совершаться на непонятномъ языкѣ? Болѣе яспыми, чѣмъ въ данномъ случаѣ, требованія здраваго разума, конечно, не могутъ быть. Но если бы въ человѣческой исторіи все происходило такъ, какъ повелѣваетъ здравый разумъ, то она могла бы быть черезъ-чуръ уже хорошею. Кромѣ разума у человѣка есть еще страсти, и эти-то послѣднія и вносятъ въ его исторію разныя явленія противуразумныя. Въ первые вѣка христіанства, когда, при живой его силѣ, страсти еще не дерзали возставать противъ разума, дѣйствительно и принималось, что каждый народъ долженъ совершать богослуженіе на своемъ собственномъ языкѣ. Но потомъ страсти взялись надъ разумомъ. Представители древняго міра Греки и Римляне смотрѣли какъ на на-

стоящихъ людей только на самихъ себя, а во всѣхъ другихъ видѣли не настоящихъ людей, а только, такъ сказать, полулюдей, только варваровъ, составляющихъ особую отъ нихъ и низшую ихъ половину человѣческаго рода и человѣческой расы: и когда дохристіанская страсть самомнѣнія взяла у нихъ верхъ надъ христіанскимъ разумомъ и было забыто ими апостольское, что во Христѣ нѣсть варваръ и скиѳъ, они сообразно съ своимъ взглядомъ на себя и на другихъ рѣшили, что общественное христіанское богослуженіе должно быть совершаемо всѣми народами только на ихъ двухъ языкахъ греческомъ и латинскомъ, какъ языкахъ единственно достойныхъ служить для этой цѣли (къ двумъ языкамъ впрочемъ прибавленъ былъ еще третій, — священный языкъ Ветхаго Завѣта еврейскій, на которомъ въ дѣйствительности не было совершаемо христіанскаго богослуженія). Къ самомнѣнію присоединилось или — точнѣе говоря — съ самомнѣніемъ неразлучно было властолюбіе: смотря на самихъ себя, какъ на людей высшихъ, чѣмъ всѣ другіе, Греки и Римляне считали себя призванными властвовать надъ всѣмъ остальнымъ міромъ. Изъ сферы гражданской жизни эти властолюбивыя притязанія перенесены были ими въ христіанскую церковь; на патріархаты своихъ двухъ столицъ — Римскій и Константинопольскій они начали смотрѣть какъ на такіе патріархаты, подъ властію которыхъ должны находиться всѣ христіанскіе народы: а поэтому и свои два языка они начали признавать за обязательно оффиціальные языки общественнаго богослуженія у всѣхъ народовъ. По сейчасъ указанной причинѣ, Моравы, находясь подъ властію римскаго папы, имѣли у себя богослуженіе на латинскомъ языкѣ; по этой же самой причинѣ и отъ патріарха Константинопольскаго, подъ власть

котораго они вознамѣрились перейдти, къ нимъ долженствовало быть принесено богослуженіе на языкѣ греческомъ, на которомъ оно и совершалось у части Славянъ самой имперіи, до тѣхъ поръ принявшей христіанство...

Но Константинъ философъ неожиданно далъ Моравамъ богослуженіе на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ.

Время отъ времени Богъ посылаетъ въ міръ своихъ пророковъ для того, чтобы они возвышали голосъ и ополчались бранію противъ фальшивыхъ и лживыхъ ученій, которыя однимъ людьми проповѣдуются и прилагаются или проводятся на дѣлѣ во вредъ другихъ людей: Константинъ философъ принадлежалъ именно къ числу такихъ Божіихъ пророковъ. Право молиться на своемъ собственномъ языкѣ столько же принадлежитъ каждому народу, сколько и право говорить на немъ и даже болѣе того; но несправедливыя человѣческія притязанія хотѣли лишить народы этого права,—и Константинъ, выступая своего рода и въ лучшемъ смыслѣ слова реформаторомъ, рѣшился возстановить это право въ приложеніи къ тому народу, къ которому онъ посылаемъ былъ учителемъ. Отвѣтъ на вопросъ: какъ онъ могъ возвыситься надъ господствовавшимъ въ цѣломъ обществѣ фальшивымъ ученіемъ, есть тотъ, что — такъ же, какъ подобное могло имѣть мѣсто и съ другими великими людьми,—что онъ былъ именно великій человѣкъ и одаренъ былъ для сего способностію отъ Бога. Надѣленный исключительно живымъ чувствомъ правды, онъ въ состояніи былъ почувствовать всю фальшивость и противуестественность того, что къ славянскому народу долженъ былъ идти съ греческими богослужебными книгами,—и онъ рѣшился устранить это намѣренно созданное противорѣчіе здравому разуму, столько важное по своему практическому значе-

нію. Но можетъ быть съ большою вѣроятностію указываемо и одно внѣшнее, явившееся благодѣтельнымъ для Славянъ, вліяніе, которое содѣйствовало пробужденію въ немъ мысли о дарованіи Моравамъ богослуженія на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ и укрѣпило его въ великомъ намѣреніи даровать его имъ. Во время путешествія въ Хазарію Константинъ имѣлъ очень продолжительную остановку въ Херсонесѣ Таврическомъ или Корсуни; здѣсь онъ встрѣтился съ однимъ Готоиномъ изъ числа тѣхъ Готоовъ, колоніи которыхъ были въ Крыму, и, увидавъ у него готскія евангеліе и псалтирь, такъ заинтересовался готской азбукой, что выучился читать по-готски [4]). Когда предстояло ему идти въ Моравію съ греческими богослужебными книгами, то естественно было вспомнить ему про готскія книги, видѣнныя въ Херсонесѣ; но Готы, у которыхъ существовало богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ, были такой же народъ новый, такіе же варвары, какъ и Славяне; что готское богослуженіе не отвергалось, но признавалось древней греческой церковью, рѣшительное доказательство на это, какъ долженъ былъ припомнить онъ — Константинъ, было въ томъ, что при св. Іоаннѣ Златоустомъ въ самомъ Константинополѣ находилась готская церковь и что въ церкви проповѣдывалъ самъ этотъ великій христіанскій учитель. Послѣднее припоминаніе должно было напомнить ему о свидѣтельствѣ Златоустаго въ пользу языковъ и всѣхъ вообще народовъ, именно—какъ святой отецъ, проповѣдуя въ нашей готской церкви, указывалъ въ доказательство превосходства христіанства передъ язычествомъ на то, что писанія еллинскихъ мудрецовъ и всѣхъ аѳинскихъ философовъ забыты, а писанія рыбарей и скинотворцевъ переведены на всѣ языки вселенной.

Если бы Константинъ вознамѣрился дать богослуженіе на своемъ собственномъ языкѣ тѣмъ изъ принявшихъ христіанство Славянъ, которые жили въ предѣлахъ самой имперіи, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ не въ состояніи былъ бы, т. е. что онъ не получилъ бы дозволенія, привесть свое реформаторское намѣреніе въ исполненіе. Но въ данномъ случаѣ дѣло шло о церковной власти надъ славянскимъ народомъ очень отдаленнымъ; дарованіе народу богослуженія на его собственномъ языкѣ представлялось прекраснымъ средствомъ привязать его къ этой власти или закрѣпить ее надъ нимъ: и греческое правительство согласилось допустить, надлежитъ подразумѣвать — въ видѣ случая не въ примѣръ, чтобы Константинъ ввелъ у Моравовъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, какъ послѣ, руководясь подобными же побужденіями, призналъ славянское богослуженіе и папа [5]).

Для письма на славянскомъ языкѣ могла быть употреблена греческая азбука, какъ жившіе въ предѣлахъ имперіи Славяне отчасти пользовались ею передъ Константиномъ, какъ Болгары довольно долго употребляли ее въ позднѣйшее время и какъ западные Славяне употребляли и до сихъ поръ употребляютъ для нашей цѣли азбуку латинскую. Но греческая азбука была недостаточна для выраженія всѣхъ звуковъ славянской рѣчи, которыхъ въ послѣдней болѣе (а въ IX вѣкѣ было и значительно болѣе), чѣмъ въ рѣчи греческой, и поэтому Константинъ началъ свое дѣло съ того, что составилъ собственную славянскую азбуку, при чемъ дѣятельнымъ его помощникомъ долженъ быть предполагаемъ Меѳодій, какъ вполнѣ хорошо знавшій славянскій языкъ.

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе. Славянскихъ азбукъ съ древняго времени существуетъ двѣ: одна изъ нихъ есть та, которую употреб-

ляемъ мы—Русскіе вмѣстѣ съ Болгарами и Сербами, которая представляетъ собою ни что иное, какъ азбуку греческую, дополненную нѣсколькими новыми буквами для тѣхъ звуковъ славянской рѣчи, которыхъ нѣтъ въ греческомъ языкѣ (должно подразумѣвать — азбуку греческую древнюю, VIII—X вѣка. и уставную, а не скорописную, что̀ есть нынѣшняя печатная греческая азбука) и которая называется по монашескому имени Константина кириллицей; другая азбука, называемая глаголицей или глаголической (глагольской) азбукой, употреблялась и отчасти до сихъ поръ употребляется католическими Хорватами, которые въ половинѣ XIII вѣка испросили себѣ у папъ привиллегію совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ; буквы въ азбукѣ совершенно тѣ же самыя, что и въ нашей кириллицѣ, но ихъ начертаніе или изображеніе совершенно свое особое и совершенно своеобразное, не имѣющее ничего общаго ни съ послѣднею, ни съ азбукою западныхъ народовъ латинскою. Неизвѣстно положительнымъ образомъ, которая изъ двухъ азбукъ составлена, а въ приложеніи къ глаголической азбукѣ точнѣе будетъ употреблять выраженіе—изобрѣтена, Константиномъ, и между учеными это составляетъ до сихъ поръ нерѣшонный вопросъ. Большинство ученыхъ усвояло и усвояетъ Константину первую азбуку, носящую по его монашескому имени названіе кириллицы; но покойный знаменитый Шафарикъ, очень долго державшійся общепринятаго мнѣнія, подъ конецъ жизни перешелъ на сторону мнѣнія противоположнаго и выступилъ горячимъ его защитникомъ: послѣ Шафарика и въ настоящее время есть представительные ученые, которые держатся мнѣнія, что Константину принадлежитъ не кириллица, а глаголица. Мы не имѣемъ времени излагать и разбирать

здѣсь доводовъ одной и другой стороны ни подробно, ни даже кратко, и можемъ только сказать, что̀ мы лично считаемъ за наиболѣе вѣроятное. Намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ и почти безспорнымъ, что Константину принадлежитъ усвояемая ему общепринятымъ мнѣніемъ и носящая его имя кириллица. Что̀ же касается до глаголицы, то ея изобрѣтеніе со всею вѣроятностію должно быть усвояемо именно тѣмъ Хорватамъ, у которыхъ она употреблялась и отчасти до сихъ поръ употребляется. Касательно цѣли ея изобрѣтенія послѣ существовавшей и гораздо ея простѣйшей или легчайшей къ употребленію азбуки Константиновой не безъ вѣроятности можно думать, что подъ покровомъ новыхъ письменъ, являвшихся своего рода криптографіей, Хорваты желали сохранить свои богослужебныя славянскія книги отъ преслѣдованія папъ (такъ какъ при этомъ оказывалась возможность выдавать не знавшимъ нашей азбуки агентамъ папской инквизиціи богослужебныя книги за небогослужебныя). Наконецъ, относительно весьма своеобразной формы буквъ не безъ вѣроятности можно думать, что изобрѣтатель азбуки воспользовался для ней тѣми чертами и рѣзами или тѣми какъ бы рунами, которыя имѣли у себя Славяне и которыя они употребляли для письма до введенія у нихъ настоящей азбуки Константиномъ[6]).

Послѣ составленія или какъ это сказать — изготовленія собственной славянской азбуки, Константинъ приступилъ, при участіи, — должно подразумѣвать, — Меѳодія, къ переводу богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ въ самомъ Константинополѣ прежде отправленія въ Моравію, такъ чтобы явиться къ Моравамъ уже съ готовыми начатками перевода. Богослужебною книгою, съ которой онъ началъ переводъ,

было евангеліе, т. е. изборъ изъ него богослужебныхъ чтеній. Первое чтеніе въ этомъ изборѣ есть пасхальное, и первое священное, что написалъ Константинъ славянскою рѣчію, было высоко-богословское: „Искони бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово.“

Прибытіе пословъ моравскихъ въ Константинополь и послѣдовавшее за нимъ изобрѣтеніе Константиномъ славянской азбуки по приблизительнымъ вычисленіямъ и на основаніи одного положительнаго, хотя небезспорнаго, свидѣтельства должно быть отнесено къ 863 году [7]).

Ничего не могло быть неожиданнѣе и поразительнѣе для Моравовъ вѣсти, что изъ Константинополя вмѣсто греческаго богослуженія будетъ принесено къ нимъ собственное богослуженіе славянское. Вѣсть эта должна была упредить прибытіе къ нимъ Константина и какъ вѣсть слишкомъ неожиданная и слишкомъ поразительная должна была съ быстротою молніи распространиться по всей странѣ. А изъ сего понятно, съ какимъ неописаннымъ ликованіемъ, съ какими, наскоро нарѣзанными, ваіями и вѣтвями, вся страна должна была встрѣтить Константина, который являлся въ нее, представляя изъ себя негаданнаго посланника Божія, имѣвшаго отверсти очи духовно слѣпыхъ и уши духовно глухихъ!

Съ величайшимъ нетерпѣніемъ должны были ожидать Моравы того дня, когда они на самомъ дѣлѣ услышатъ богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. А поэтому и Константинъ, оставивъ приведенныхъ имъ священниковъ до времени совершать у нихъ богослуженіе по-гречески, съ величайшею ревностію приступилъ, въ сотрудничествѣ, — какъ это опять должно подразумѣвать, съ Меѳодіемъ, къ переводу богослужебныхъ книгъ, которому у себя дома — въ

Константинополѣ положилъ только малое начало, и „вскорѣ“ (подлинное слово его біографа) перевелъ весь церковный чинъ или весь кругъ дневнаго общественнаго богослуженія. Нельзя не пожалѣть, что намъ не описано великое народное празднество, когда по окончаніи перевода книгъ Константинъ въ первый разъ совершилъ для Моравовъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ: но всякій можетъ представить себѣ, что это было истинно великое празднество и истинная народная пасха,—что люди должны были выражать переполнявшія ихъ чувства такимъ образомъ, чтобы съ восклицаніями: „сей день, его же сотвори Господь,“ обнимать другъ друга...

Тотчасъ по прибытіи Константина въ Моравію великій князь Ростиславъ собралъ людей, которые бы могли быть поставлены во священники и прочія церковныя должности, и отдалъ ихъ ему для обученія славянской азбукѣ и грамотѣ и совершенію богослуженія по греческому обряду, такъ чтобы немедленно по окончаніи перевода книгъ они могли быть посвящены въ степени и начать въ странѣ славянское богослуженіе (должно быть подразумѣваемо, что набралъ не мальчиковъ, а людей взрослыхъ и именно уже латински грамотныхъ, такъ чтобы ихъ не нужно было обучать грамотѣ вообще, а только научить азбукѣ-грамотѣ славянской). Приготовленіемъ кандидатовъ въ славянскіе священники греческаго обряда Константинъ и занимался одновременно съ переводомъ книгъ.

Но прибывъ въ страну въ качествѣ представителя власти патріарха Константинопольскаго, Константинъ очень недолго оставался въ ней этимъ представителемъ. Я сказалъ, что передъ тѣмъ, какъ обращаться къ Грекамъ съ просьбою объ ихъ духовенствѣ, Моравы обращались съ просьбою къ папѣ о подчиненіи

ихъ вмѣсто архіепископа нѣмецкаго архіепископу итальянскому. Обратились ли Моравы къ Грекамъ потому, что папа отказалъ имъ въ ихъ просьбѣ, или потому, что они, не дождавшись рѣшенія папы, по своимъ собственнымъ побужденіямъ надумали обратиться къ Грекамъ: какъ бы то ни было, но вовсе не составляло обычая папъ терпѣть того, чтобы люди, находившіеся подъ ихъ властью, свергали ее съ себя, а папою былъ въ то время знаменитый своею энергіею противникъ Фотія Николай I, носящій на западѣ названіе Великаго и уже объявившій себя тогда врагомъ перваго. Этотъ великій папа или тотчасъ или весьма вскорѣ по прибытіи Константина въ страну представителемъ власти Константинопольскаго патріарха съумѣлъ и успѣлъ заставить Моравовъ отречься отъ власти патріарха и снова признать его—папину власть, при чемъ дѣйствительно подчинилъ ихъ вмѣсто нѣмецкаго архіепископа итальянскому, именно—архіепископу области венеціанской, имѣвшему пребываніе въ Градцѣ, называвшемся иначе Новой Аквилеей (въ настоящее время Grado, на сѣверномъ берегу Адріатическаго моря, на западъ черезъ заливъ отъ Тріеста). Такимъ образомъ, обмануты были ожиданія Грековъ привязать Моравовъ къ своей власти посредствомъ славянскихъ книгъ, и Константину, съ прекращеніемъ его миссіи, повидимому, надлежало бы тотчасъ же возвратиться къ тѣмъ, отъ кого онъ былъ посланъ. Но онъ прибылъ въ Моравію въ двойномъ качествѣ: оффиціальномъ качествѣ представителя власти патріарха Константинопольскаго и въ неоффиціальномъ и имъ самимъ принятомъ на себя качествѣ вводителя славянскаго богослуженія. Послѣ того, какъ Моравы возвратились подъ власть папы, кончилась его миссія оффиціальная; но они хотѣли, — что́, ко-

нечно, само собой подразумѣвается,—чтобы онъ ввелъ у нихъ славянское богослуженіе, и онъ остался у нихъ въ неоффиціальномъ качествѣ таковаго вводителя; при этомъ, что касается до священниковъ, которые нужны были Моравамъ до введенія у нихъ собственнаго славянскаго богослуженія, то должно думать, что по уходѣ священниковъ греческихъ явились къ нимъ священники итальянскіе, чтобы опять служить у нихъ по-латынѣ. Есть люди, которыхъ смущаетъ то, что православный Грекъ, каковъ былъ Константинъ, остался для дѣятельности въ церковной области папско-схизматической. Но эти нѣсколько странные люди забываютъ, что папа тогда былъ еще не схизматикъ, а столько же православный патріархъ, какъ и патріархъ Константинопольскій. Правда, что тогда уже началась вражда патріарха Фотія съ папою Николаемъ; но вражды патріарховъ съ папами бывали и прежде, и не могъ же предвидѣть Константинъ, что на сей разъ вражда окончится раздѣленіемъ церквей; да и самое это раздѣленіе произошло вовсе не при Фотіи и Николаѣ, а уже только спустя цѣлыя два столѣтія послѣ нихъ въ половинѣ XI вѣка. [8]). Во второй половинѣ VII вѣка былъ знаменитый Грекъ, состоявшій на службѣ у папы и показавшій себя усерднѣйшимъ его слугой, именно — Ѳеодоръ, епископъ Кантербюрійскій. Какъ никому не приходитъ на мысль порицать этого Ѳеодора, такъ еще гораздо страннѣе было бы порицать нашего Константина. Вводя у Моравовъ славянское богослуженіе греческаго обряда, онъ едва ли могъ питать надежду, чтобы обрядъ удержался у нихъ навсегда; но дѣло было не въ обрядѣ, (ибо и обрядъ латинскій могъ быть тогда признаваемъ не за какой либо иной, какъ только за православный), а въ языкѣ богослуженія.

Давъ Моравамъ славянскія богослужебныя книги

и приготовивъ людей, которые бы въ состояніи были совершать по нимъ богослуженіе, Константинъ сдѣлалъ все, что съ его стороны требовалось и что онъ могъ съ своей стороны сдѣлать для водворенія въ Моравіи славянскаго богослуженія. и послѣ 40-мѣсячнаго или 3-годичнаго съ 4 мѣсяцами пребыванія въ странѣ онъ увидѣлъ оконченнымъ въ ней свое дѣло и рѣшился оставить ее. Но оставить не за тѣмъ, чтобы возвратиться домой — въ Грецію, а совсѣмъ для другаго. Послѣ того, какъ посольство моравское вызвало его на великое дѣло—дарованіе Славянамъ богослуженія на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ. онъ поставилъ это славянское богослуженіе, именно— его распространеніе между Славянами, цѣлію всей остальной своей жизни: и онъ оставилъ Моравію, чтобы идти съ своими книгами въ другія славянскія страны. Впрочемъ, удаляясь изъ ней, онъ взялъ на себя довершительныя старанія или хлопоты о томъ, чтобы приготовленные имъ кандидаты въ славянскіе священники были посвящены, и поэтому онъ не отправился прямо въ какую нибудь другую славянскую страну, а взявъ съ собою помянутыхъ кандидатовъ, предварительно поѣхалъ съ ними къ архіепископу венеціанскому или градецкому.

Здѣсь мы снова должны сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы послѣ славянской азбуки, составленной Константиномъ, сказать о славянскомъ языкѣ, на который были имъ переведены для Моравовъ богослужебныя книги. Одного общаго славянскаго языка нѣтъ: каждый славянскій народъ говоритъ своимъ особымъ языкомъ, хотя эти языки болѣе или менѣе и близки между собой: на какой же именно славянскій языкъ перевелъ Константинъ для Моравовъ богослужебныя книги? Вопреки принимаемому за наиболѣе вѣроятное мнѣнію, что—на болгарскій языкъ,

должно быть признаваемо за наиболѣе вѣроятное, что—на собственный языкъ моравскій. До путешествія въ Моравію,—говорятъ,—Константинъ зналъ только болгарскій языкъ и древнѣйшія сохранившіяся до насъ рукописи богослужебныхъ книгъ представляютъ эти книги на болгарскомъ языкѣ: изъ перваго, говорятъ, ясно, что Константинъ могъ перевесть книги только на болгарскій языкъ, а вторымъ доказывается, что это дѣйствительно было такъ. Но изъ перваго ничего не ясно и вторымъ ничего не доказывается: развѣ Константинъ, знавшій до путешествія въ Моравію только болгарскій языкъ и не знавшій моравскаго языка, не могъ по прибытіи въ Моравію сдѣлать того весьма простаго, чтобы изъ самихъ Моравовъ взять себѣ на помощь людей, которые бы его болгарскій переводъ перелагали или переправляли на чистый моравскій? А что касается до болгарскаго языка древнѣйшихъ сохранившихся рукописей богослужебныхъ книгъ (если только онъ дѣйствительно есть подлинный болгарскій), то всѣ эти рукописи идутъ отъ Болгаръ и могутъ доказывать только то, что Болгары, заимствовавъ отъ Моравовъ славянскія книги Константиновы, переложили или переправили ихъ моравскій языкъ на свой болгарскій. Между тѣмъ предполагать, чтобы Константинъ перевелъ для Моравовъ богослужебныя книги на болгарскій языкъ, это будетъ крайне невѣроятная странность, чтобы не сказать даже и болѣе. Въ настоящее время богослужебный языкъ у насъ — Русскихъ, у Болгаръ и у Сербовъ есть одинъ и тотъ же болгарскій языкъ, и поэтому инымъ изъ насъ представляется, что будто бы болгарскій языкъ предназначенъ кѣмъ-то быть богослужебнымъ языкомъ всѣхъ Славянъ; но само собой разумѣется, что ничего подобнаго не было: а съ какой стати Константинъ сталъ бы для Моравовъ перево-

дить книги на болгарскій языкъ? По поводу посольства моравскаго къ Грекамъ онъ выступилъ провозгласителемъ ученія, что каждый народъ долженъ имѣть богослуженіе на своемъ собственномъ, совершенно понятномъ ему, языкѣ, и перевелъ будьто бы для Моравовъ книги на чужой для нихъ и до нѣкоторой степени непонятный для нихъ языкъ: ясно, что ему— Константину усвояется совершенно невозможное поведеніе. Замѣтимъ здѣсь кстати, что почти безнадежна питаемая филологами надежда найдти когда нибудь богослужебныя книги, содержащія подлинный языкъ перевода Константинова. Если бы были найдены автографы самого Константина, о чемъ едва ли кто нибудь даже и просто мечтаетъ, тогда надежда, конечно, осуществилась бы Но если будутъ найдены даже и такіе списки, которые сняты непосредственно съ самыхъ автографовъ, то и тогда нельзя будетъ имѣть увѣренности, что найденъ подлинный переводъ Константина: по свидѣтельству одного весьма древняго и совершенно достовѣрнаго болгарскаго писателя переводъ его началъ быть постепенно поправляемъ, съ цѣлію улучшенія, тотчасъ послѣ того, какъ явился.. [9]).

Возвращаемся къ прерванному разсказу.

Путь Константина изъ Моравіи къ архіепископу венеціанскому или градецкому лежалъ черезъ область другаго славянскаго народа, именно — паннонскихъ Хорватовъ, которые жили въ нынѣшней юго-западной Венгріи около озера, называвшагося у Славянъ, вѣроятно—отъ своихъ болотистыхъ береговъ, Блатомъ, что́ Нѣмцами передѣлано изъ славянскаго въ Plattensee, а Мадьярами — въ Балатонъ, и отъ озера въ углу между Дунаемъ и Дравой [10]). Хорваты эти находились въ зависимости отъ Нѣмцевъ и ихъ вассальный нѣмецкому королю князь Коцелъ, по своему

происхожденію Моравъ, какъ ни желалъ ввести у себя, подобно Моравамъ, собственное славянское богослуженіе, въ виду крайней вражды къ послѣднему Нѣмцевъ, не могъ отважиться на это. Но когда Константинъ по пути къ архіепископу пришелъ къ нему, онъ по крайней мѣрѣ сдѣлалъ то, что собралъ 50 человѣкъ, знавшихъ грамоту (подразумѣвается— латинскую) и упросилъ Константина научить ихъ его славянской азбукѣ-грамотѣ, съ тѣмъ, чтобы, воспользовавшись хотя его азбукой, ввести ее въ гражданское употребленіе.

Архіепископъ венеціанскій, къ которому прибылъ Константинъ послѣ остановки у Коцела, вмѣсто того, чтобы посвятить приведенныхъ имъ его моравскихъ учениковъ, собралъ на него соборъ изъ епископовъ митрополіи, священниковъ и монаховъ, который потребовалъ у него отвѣта: какъ онъ дерзнулъ перевести богослужебныя книги на славянскій языкъ, когда ничего подобнаго (т. е. перевода нашихъ книгъ на одинъ изъ новыхъ языковъ) не сдѣлали ни апостолы ни папы римскіе ни великіе святые отцы и когда надлежитъ славить Бога только тремя языками: еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ? Константинъ отвѣчалъ своимъ судьямъ горячимъ и безпощаднымъ обличительнымъ словомъ, въ которомъ вылилъ всю свою горечь противъ этихъ, такъ называемыхъ, тріязычниковъ: указавъ на то, что передъ Богомъ одинаково равны всѣ люди и всѣ народы,—сославшись на исторію и современную дѣйствительность въ доказательство того, что на самомъ дѣлѣ христіанское богослуженіе совершалось и совершается вовсе не на трехъ только языкахъ, и приведши мѣста изъ Священнаго Писанія о томъ, что евангеліе должно быть проповѣдано всѣмъ народамъ и что всѣ народы должны славить Бога, слѣдовательно — дол-

жно быть проповѣдано на понятныхъ для нихъ или что́ тоже—ихъ собственныхъ языкахъ, какъ объ этомъ нарочито и настоятельно говоритъ ап. Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ (1 посл. гл. 14), и славить Бога тѣми же самыми языками, онъ необинуемно назвалъ своихъ судей книжниками и фарисеями — лицемѣрами, затворяющими передъ людьми царство небесное.

Вопреки нѣмецкимъ и итальянскимъ епископамъ, которые были противъ славянскихъ книгъ Константина, былъ за нихъ самъ папа, и онъ, узнавъ, какъ приняты были книги и ихъ виновникъ венеціанскимъ архіепископомъ, поспѣшилъ позвать Константина къ себѣ въ Римъ. Невозможно допустить, чтобы когда нибудь какой нибудь папа могъ искренно сочувствовать такому дѣлу, какъ введеніе у подвластныхъ ему народовъ богослуженія на ихъ собственныхъ языкахъ, ибо это грозило бы опасностью его власти надъ народами, которые отъ національности богослуженія могли переходить къ мысли о національности, а затѣмъ и самостоятельности церквей. А поэтому невозможно допустить и того, чтобы позвавшій Константина къ себѣ Николай I, о которомъ мы упоминали, и смѣнившій его въ то время, какъ Константинъ шелъ отъ архіепископа въ Римъ, Андріанъ II (одинъ † 13 Ноября 867 г., другой занялъ престолъ 14 Декабря того же года), искренно сочувствовали введенію у подвластныхъ римской церкви Славянъ собственнаго богослуженія. Но отчасти увидѣнная необходимость, отчасти явившіеся въ умѣ геніальнаго человѣка, каковъ былъ Николай, важные разсчеты, имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что въ Римѣ славянскія книги Константина были привѣтствованы не только съ простою, но и съ величайшею видимою благосклонностію. Греческая церковь въ

лицѣ Константина даровала Славянамъ богослуженіе на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ; если бы римская церковь осудила и запретила это богослуженіе, то папы имѣли бы полное основаніе опасаться, что всѣ симпатіи всѣхъ крещенныхъ Славянъ обратятся на сторону греческой церкви; а этого они, конечно, не могли допустить, и тѣмъ болѣе допустить въ то именно время, ибо двѣ церкви находились тогда во враждѣ, обыкновенно пробуждающей чувство соперничества съ особенной силой, и между ними прямо шелъ споръ изъ-за обладанія Славянами (разумѣемъ Болгаръ). Но если къ началу второй половины IX вѣка уже достаточно было Славянъ крещенныхъ, то еще болѣе оставалось ихъ некрещенными; оставались еще язычниками: Чехи, Словаки, Поляки, многочисленные Славяне балтійскіе или поморскіе и не менѣе, если еще не болѣе, многочисленные Славяне русскіе: по отношенію къ некрещеннымъ Славянамъ и возникъ въ головѣ папы Николая достойный его ума планъ, привлекать ихъ къ христіанству римской власти посредствомъ славянскихъ книгъ, сдѣлавъ Константина всеславянскимъ миссіонеромъ своего престола. Вслѣдствіе обѣихъ, сейчасъ указанныхъ, причинъ, какъ необходимо думать, и рѣшено было въ Римѣ показать видимую великую благосклонность къ славянскимъ книгамъ, которыя впослѣдствіи, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, легко можно было запретить. Промысломъ устроено было, чтобы эти славянскія книги, подвергшіяся впослѣдствіи такому преслѣдованію со стороны папъ, были и встрѣчены отъ папы Адріана при ихъ внесеніи Константиномъ въ вѣчный городъ совершенно особеннымъ образомъ. Во время пребыванія въ Корсуни по пути въ Хазарію послѣдній открылъ тамъ находившіяся дотолѣ въ со-

крытіи мощи св. Климента римскаго; часть мощей онъ взялъ изъ Корсуни съ собой и одну часть этой части положилъ въ Константинопольской церкви святыхъ апостоловъ, а другую часть взялъ съ собой въ моравское путешествіе и принесъ въ Римъ: такъ, для привѣтствованія дорогихъ городу и папской каѳедрѣ мощей Андріанъ и вышелъ на встрѣчу Константину, который несъ вмѣстѣ съ мощами и наши книги, торжественнымъ крестнымъ ходомъ, сопровождаемый всѣми гражданами. Принесенныя книги папа формально освятилъ къ употребленію такимъ образомъ, что приказалъ положить ихъ на престолѣ въ одной изъ своихъ большихъ или такъ называемыхъ патріаршихъ базиликъ Santa Maria Maggiore (Богородицы великой) и пѣть надъ ними литургію. а потомъ служить по нимъ въ каѳедральной церкви св. Петра и въ другихъ знатнѣйшихъ церквахъ. На одной изъ славянскихъ службъ были посвящены моравскіе ученики Константина, а вмѣстѣ съ ними былъ посвященъ во священники и братъ его Меѳодій, остававшійся дотолѣ простымъ монахомъ (ибо въ Греціи въ то время допускалось, чтобы ставимы были игуменами монастырей и простые монахи).

По тѣмъ или инымъ побужденіямъ, но папа далъ свое полное согласіе, чтобы у Славянъ было совершаемо богослуженіе на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ; слѣдовательно, Константину оставалось, воздавъ хвалу и благодаренія Господу, идти къ Славянамъ съ своими книгами, чтобы вводить у нихъ это богослуженіе; и такъ какъ въ то время ему было только 42 года, то многихъ Славянъ могъ бы еще онъ обойти съ книгами. Но Господь судилъ, что достаточно было и того, что онъ сдѣлалъ: возвратившись съ разстроеннымъ здоровьемъ изъ хазарскаго путешествія, онъ не могъ поправить его

если не столько же труднымъ, то во всякомъ случаѣ очень труднымъ путешествіемъ моравскимъ, и потомъ усиленными трудами въ Моравіи надъ переводомъ книгъ; разстройство здоровья, само ли по себѣ или же при участіи какой нибудь случайно полученной болѣзни, имѣло роковой исходъ: послѣ годичнаго приблизительно пребыванія въ Римѣ, въ продолженіе котораго своими личными достоинствами и своимъ личнымъ характеромъ успѣлъ снискать величайшую благосклонность граждапъ вѣчнаго города, онъ скончался въ немъ 14 Февраля 869 г., принявъ за 50 дней до смерти монашеское постриженіе съ именемъ Кирилла. Меѳодій хотѣлъ было отвести останки усопшаго, согласно волѣ матери относительно мѣста погребенія обоихъ братьевъ, въ свою Солунь, — въ родовой ктиторскій монастырь, который имѣла ихъ фамилія; но римскіе епископы обратились къ папѣ съ представленіемъ, что если ему — Константину послѣ его путешествій по многимъ землямъ суждено было Богомъ умереть въ Римѣ, то и надлежитъ ему быть погребену въ немъ, какъ знаменитому мужу; папа согласился съ представленіемъ епископовъ и во свидѣтельство своего необыкновеннаго къ нему уваженія приказалъ было, отступая отъ существовавшаго обычая, положить его въ церкви св. Петра, въ усыпальницѣ самихъ папъ; но тогда Меѳодій обратился съ представленіемъ къ папѣ, что если уже хотятъ погребсти его въ Римѣ, то пусть погребутъ въ церкви св. Климента, съ мощами котораго онъ пришелъ въ него: въ послѣдней церкви, бывъ положенъ о десную страну олтаря, Константинъ и былъ погребенъ съ такою торжественностію, съ какою погребались только сами папы. При гробѣ его начали твориться многія чудеса съ самой минуты погребенія, почему надъ гробомъ былъ написанъ его

образъ, передъ которымъ были поставлены горѣть неугасимыя свѣчи.

Послѣднее извѣстіе житія Константина о многихъ чудесахъ, начавшихъ твориться при его гробѣ, напоминаетъ намъ о святости его жизни. Что онъ былъ человѣкъ высоко святой жизни, въ этомъ не только удостовѣряетъ насъ его житіе всѣмъ своимъ разсказомъ, но относительно этого, къ полному нашему убѣжденію, имѣемъ мы и сторонніе свидѣтельства: современный Константину извѣстный дѣятель и писатель римской церкви Анастасій библіотекарь, лично знавшій его и упоминаемый въ его житіи, отзываясь о немъ, одинъ разъ называетъ его мужемъ великой святости (magnae sanctitatis vir), а другой разъ — мужемъ великимъ и апостольской жизни (vir magnus et apostolicae vitae).

Для водворенія у Славянъ собственнаго славянскаго богослуженія Константинъ успѣлъ сдѣлать немногое, и если бы дѣло остановилось на томъ, на чемъ онъ его оставилъ, то славянскій западъ не имѣлъ бы потомъ что̀ передать и славянскому востоку, которому собственно было предназначено воспользоваться великимъ благодѣяніемъ Константина. Но, по милости Божіей къ Славянамъ и къ намъ восточнымъ главнѣйше, сего не случилось. На смертномъ одрѣ Константинъ крѣпко завѣщалъ своему брату, чтобы этотъ послѣ его смерти не возвращался домой,—въ Грецію, а остался у Славянъ продолжателемъ начатаго имъ дѣла, — и Меѳодій, питавшій къ Константину чувство уваженія, доходившаго до благоговѣнія, не нарушилъ завѣщанія умиравшаго.

Къ какимъ Славянамъ намѣревался Меѳодій пойдти съ книгами Константина изъ Рима или куда намѣревался послать его папа, остается неизвѣстнымъ.

Но къ папѣ послѣдовалъ относительно него внѣшній вызовъ. Помянутый князь паннонскій или блатенскій Коцелъ, во время бытности Константина въ Моравіи, не смотря на все свое желаніе ввести у себя, подобно Моравамъ, славянское богослуженіе, не могъ отважиться на это изъ боязни Нѣмцевъ; но теперь онъ увидѣлъ, что самъ папа отнесся къ славянскимъ книгамъ съ величайшею благосклонностію и совершенно дозволилъ ихъ употребленіе: и онъ, надѣясь на защиту папы отъ Нѣмцевъ, обратился къ первому съ просьбою о присылѣ къ нему Меѳодія для введенія у него славянскаго богослуженія. Папа послалъ Меѳодія къ Коцелу, но не къ одному только ему, но и во всѣ тамошнія страны славянскія: „не тебѣ единому токмо,—говорилъ папа Коцелу черезъ его пословъ,—но и всѣмъ странамъ тѣмъ словеньскымъ слю й учитель отъ Бога и отъ святаго апостола Петра“, т. е. возложилъ на Меѳодія вмѣстѣ съ частнымъ дѣломъ введенія славянскаго богослуженія у князя паннонскаго и ту всеславянскую миссію, мысль о которой возъимѣлъ Николай I. Меѳодій прибылъ къ Коцелу; но введенію имъ славянскаго богослуженія въ области князя представились неодолимыя препятствія: область находилась въ церковной зависимости отъ того же нѣмецкаго архіепископа Зальцбургскаго, что̀ и Моравія передъ посольствомъ въ Грецію, и архіепископъ никогда и ни за что не согласился бы поставить во священники кандидатовъ, которыхъ приготовилъ бы Меѳодій. Тогда, чтобы устранить препятствія, Коцелъ обратился съ просьбою къ папѣ о поставленіи Меѳодія въ епископы паннонскіе, съ подчиненіемъ его непосредственной власти св. престола. Просьба князя, какъ должно думать, вполнѣ согласовалась съ собственными мыслями папы, который не могъ не на-

ходить, что Меѳодію въ качествѣ проповѣдника христіанства между Славянами-язычниками гораздо удобнѣе быть епископомъ, чѣмъ священникомъ, и онъ, отнимая Паннонію у Зальцбургскаго архіепископа, къ чему предлогъ для него былъ въ томъ, что нѣкогда (до переселенія народовъ) Паннонія имѣла своего епископа и къ каковому урѣзанію области архіепископа онъ могъ имѣть наклонность потому, что папы находились тогда въ борьбѣ съ архіепископами, поставилъ Меѳодія автокефальнымъ или непосредственно ему—папѣ подчиненнымъ епископомъ паннонскимъ. Едва только Меѳодій, возведенный въ санъ епископа, началъ введеніе въ области славянскаго богослуженія, весь народъ тотчасъ же побросалъ своихъ прежнихъ нѣмецкихъ священниковъ съ ихъ латинскимъ богослуженіемъ, такъ что послѣдніе должны были удалиться домой — къ архіепископу. Но Нѣмцы не могли и не хотѣли терпѣть, чтобы творились съ ними такія невѣроятныя вещи, какъ отнятіе у нихъ церковной власти надъ страной, принадлежавшей имъ въ политическомъ отношеніи, и какъ введеніе въ этой странѣ славянскаго богослуженія: они схватили Меѳодія и отправили его въ заключеніе куда-то въ юго-западной украйнѣ своей земли—Швабіи. Страшно разгнѣванный на Нѣмцевъ папа тотчасъже предпринялъ самыя энергическія старанія за непосредственно ему самому подчиненнаго епископа, который былъ для него притомъ епископомъ совсѣмъ особеннымъ; но такъ какъ и Нѣмцы придавали дѣлу величайшую важность, то старанія увѣнчались успѣхомъ и Меѳодій возвратился къ Коцелу изъ ссылки только черезъ два года съ половиной. Послѣ возвращенія Меѳодій очень недолго оставался у Коцела въ санѣ епископа паннонскаго, такъ что, вторично начавъ вводить въ области славянское богослуженіе послѣ пер-

ваго, какъ необходимо предполагать, совершенно уничтоженнаго Нѣмцами начала, едва ли успѣлъ сдѣлать многое; если же и успѣлъ, то единственно за тѣмъ, чтобы Нѣмцы тотчасъ послѣ него снова совершено уничтожили и это второе начало, какъ первое. Меѳодій оставилъ Коцелову Паннонію, чтобы снова возвратиться въ Моравію въ качествѣ ея архіепископа, о чемъ Моравы просили папу.

Послѣ удаленія изъ Моравіи Константина въ странѣ этой произошли важныя перемѣны. У великаго князя Ростислава былъ племянникъ Святополкъ, находившійся гдѣ-то удѣльнымъ княземъ; Нѣмцы успѣли привлечь его на свою сторону и онъ измѣнически выдалъ имъ своего дядю, который хотѣлъ было наказать его за дружбу съ врагами отечества; посаженный Нѣмцами на великокняжескій престолъ въ качествѣ ихъ данника и съ крайне ограниченными правами, онъ протестовалъ противъ ограниченія правъ и попалъ въ нѣмецкую тюрьму; въ тюрьмѣ онъ одумался и превратился въ того великаго Святополка, наидоблестнѣйшаго представителя славянства, какимъ является впослѣдствіи; освобожденный изъ тюрьмы и снова успѣвъ сѣсть на великокняжескомъ престолѣ, онъ тотчасъ же началъ съ Нѣмцами жестокую войну, чтобы сбросить ихъ новое и по его винѣ наложенное на страну иго. При этихъ политическихъ перемѣнахъ произошла и церковная перемѣна: Нѣмцы тотчасъ же послѣ того, какъ при помощи Святополка подчинили страну своей власти государственной, изгнали изъ нея итальянскихъ священниковъ и снова подчинили ее и своей власти церковной, прославъ въ нее на мѣсто итальянскихъ священниковъ своихъ священниковъ нѣмецкихъ. Это послѣднее обстоятельство и выставляется въ житіи Меѳодія, какъ причина того, что Святополкъ

обратился къ папѣ съ просьбою о дарованіи его странѣ Меѳодія въ архіепископы, именно—говорится, что когда началась война между Моравами и Нѣмцами, то первые увидѣли, что нѣмецкіе священники, жившіе у нихъ, не пріяли имъ, но ковы творили на нихъ, почему всѣхъ ихъ прогнали отъ себя и обратились съ нашею просьбою къ папѣ. Но должно думать, что дѣло было нѣсколько не такъ. Выше я сказалъ, что Константинъ, давъ Моравамъ славянскія богослужебныя книги и приготовивъ людей, которые бы могли совершать по нимъ богослуженіе, сдѣлалъ все, что съ его стороны требовалось и что онъ могъ съ своей стороны сдѣлать для водворенія у нихъ славянскаго богослуженія. Но все, что могъ сдѣлать Константинъ, было далеко не все, что требовалось на самомъ дѣлѣ: могли быть не посвящены кандидаты, приготовленные имъ въ славянскіе священники, и тогда—тутъ же бы былъ и конецъ всему; но и тѣмъ, что по приказанію самого папы были посвящены эти кандидаты, введенію славянскаго богослуженія въ странѣ было положено только нѣкоторое и непрочное начало: сколько бы значительнымъ мы ни представляли числа нашихъ кандидатовъ, посвященныхъ по приказанію папы, во всякомъ случаѣ ихъ могло хватить на введеніе нашего богослуженія только въ самой ничтожной части страны и никакъ не во всей ей сполна; слѣдовательно, для введенія богослуженія во всей странѣ требовалось поставленіе еще великаго множества новыхъ кандидатовъ; затѣмъ, для восполненія имѣвшей происходить убыли священниковъ, какъ людей смертныхъ, требовалось бы поставленіе все новыхъ и новыхъ кандидатовъ: но кто бы сталъ ставить этихъ кандидатовъ? Ни одинъ нѣмецкій и ни одинъ итальянскій архіепископъ ни за что не хотѣлъ бы

этого дѣлать. Слѣдовательно, если Моравы желали настоящимъ образомъ ввести у себя славянское богослуженіе и на самомъ дѣлѣ достигнуть того, чтобы ихъ церковь стала настоящею славянскою церковію, имъ нужно было просить у папы или автокефальнаго епископа, каковаго онъ далъ Коцелу, или архіепископа, что̀ тоже—митрополита. А такимъ образомъ, должно думать, что Святополкъ возъимѣлъ именно сейчасъ указанное желаніе и что поэтому онъ и обратился съ просьбою къ папѣ, чтобы Меѳодій данъ былъ ему въ архіепископы.

Папа сдѣлалъ Моравію самостоятельной архіепископіей, что̀ тоже—митрополіей, или возвелъ ее въ таковыя, и Меѳодій явился въ нее, облеченный саномъ архіепископа, что̀ тоже—митрополита, въ 873—874 году. На каѳедрѣ архіепископа моравскаго онъ и оставался до самой своей смерти въ продолженіи 11-ти или 12-ти лѣтъ.

Первоначально Меѳодій поставленъ былъ папою въ архіепископы моравскіе такимъ образомъ, что не было придано ему ни одного епископа суффрагана. Въ 880 г. былъ данъ ему одинъ епископъ суффраганъ, съ каѳедрой въ словакской Нитрѣ (по-нѣмецки—Neutra), причемъ папа изъявлялъ было Святополку готовность посвятить и другаго суффрагана, такъ чтобы архіепископъ съ двумя епископами могъ потомъ ставить новыхъ епископовъ, если бы это оказалось нужнымъ; но даже и другаго только суффрагана къ одному названному почему-то не было посвящено, такъ что Меѳодій постоянно оставался съ однимъ суффраганомъ.

Жизнь Меѳодія въ санѣ архіепископа моравскаго могла бы быть безпечальною, насколько можетъ быть безпечальна человѣческая жизнь. Но было нѣмецкое духовенство, которое считало Моравію своею

собственностію, несправедливо у него отнятою: это-то духовенство и старалось самымъ настоятельнымъ образомъ интриговать противъ него передъ папою, съ цѣлію добиться его низведенія съ каѳедры и изгнанія изъ страны, причемъ въ орудіе интриги употребляемъ былъ собственный его суффраганъ, Нѣмецъ происхожденіемъ и позорный авантюристъ, отъ котораго отреклись потомъ и сами Нѣмцы, по имени Вихингъ. Въ числѣ обвиненій на Меѳодія передъ папою было одно, относительно котораго улаживаться ему съ послѣднимъ, вѣроятно, стоило очень большихъ усилій. Прибавленіе къ символу слова Filioque, сдѣланное на Западѣ во второй половинѣ VI вѣка, очень долго было отвергаемо самыми папами, но лѣтъ за 15-ть до занятія Меѳодіемъ архіепископской каѳедры оно было принято и ими самими (думаютъ, что именно папою Николаемъ I, о которомъ мы помянали выше). Послѣ того, какъ папы и сами приняли прибавленіе, они, конечно, не имѣли охоты терпѣть, чтобы гдѣ нибудь въ предѣлахъ ихъ церкви символъ читался безъ прибавленія; между тѣмъ Меѳодій читалъ его безъ прибавленія и вмѣстѣ со всѣми Греками видѣлъ въ немъ іопаторскую ересь Савелліянъ: бывъ обвиняемъ Нѣмцами передъ папою, что читаетъ символъ не такъ, какъ его читаетъ вся римская церковь, онъ успѣвалъ достигать, чтобы ему, въ видѣ исключенія, дозволено было папою его греческое чтеніе. Интриги Нѣмцевъ противъ Меѳодія между прочимъ имѣли своимъ слѣдствіемъ и то, чтобы заставить папъ выдать документальное противъ себя свидѣтельство, что первоначально было дозволяемо и одобряемо ими славянское богослуженіе, это— одно посланіе папы Іоанна VIII, преемника Адріанова, къ великому князю Святополку [11]).

Между какими же славянскими народами успѣлъ

Меѳодій распространить славянскія богослужебныя книги Константина? Поставленный сначала въ епископы паннонскіе, а потомъ переведенный въ архіепископы моравскіе, онъ не имѣлъ возможности предпринимать миссіонерскихъ путешествій къ народамъ, чтобы вмѣстѣ съ христіанствомъ водворять у нихъ книги; но народы въ значительной степени были, такъ сказать, сами приведены къ нему, чтобы онъ могъ сдѣлать это. Великій князь моравскій Святополкъ, получившій отъ папы титулъ короля, былъ знаменитѣйшій государь, котораго когда либо видали западные Славяне. Свергнувъ вторично иго Нѣмцевъ, онъ основалъ могущественное славянское государство и отчасти мирно подчинилъ, отчасти силою оружія покорилъ себѣ, славянскіе народы: на западѣ отъ Моравіи Чеховъ, на сѣверѣ — Сербовъ лужицкихъ или Лужичанъ (въ нынѣшней Силезіи), на сѣверѣ-западѣ—Поляковъ Малой или Краковской Польши, на востокѣ—Словаковъ. У всѣхъ этихъ народовъ, послѣ самихъ Моравовъ, и введено было Меѳодіемъ славянское богослуженіе по книгамъ Константина, при чемъ каждый изъ нихъ предварительно былъ обращенъ имъ изъ язычества въ христіанство. Что касается до Коцеловой Паннопіи, то послѣ двухъ напрасныхъ попытокъ водворить въ ней славянское богослуженіе, о которыхъ сказали мы выше, онъ имѣлъ возможность и въ третій разъ водворить его въ ней, но водворить только отчасти, такъ чтобы оставить полное водвореніе своему преемнику по каѳедрѣ: Коцелову Паннопію Святополкъ успѣлъ получить отъ Нѣмцевъ, чтобы также присоединить къ своему государству; но это случилось только уже не очень задолго до смерти Меѳодія (въ 884 г.). Необходимо думать, что Коцеловы Хорваты были передатчиками Константино - Меѳодіевыхъ

славянскихъ книгъ въ настоящую или далмаматинскую (засавскую) Хорватію, и болѣе чѣмъ за вѣроятное должно принимать, что эта передача имѣла мѣсто еще при жизни самого Меѳодія.

Окончательное утвержденіе христіанства и полное введеніе славянскаго богослуженія въ самой Моравіи, введеніе христіанства и за нимъ славянскаго богослуженія у названныхъ четырехъ народовъ, — это составляло дѣятельность Меѳодія во время его 11-ти или 12-ти лѣтняго пребыванія на каѳедрѣ архіепископа моравскаго (при чемъ два раза онъ долженъ былъ отрываться отъ дѣятельности на болѣе или менѣе продолжительное время, именно—для путешествія къ Уграмъ или Венграмъ, которые во время его бытности архіепископомъ явились на Дунаѣ и князь которыхъ желалъ его видѣть, и для путешествія въ Константинополь къ императору, который приглашалъ его къ себѣ). Почувствовавъ изнемогающимъ тѣломъ приближеніе смерти, Меѳодій хотѣлъ восполнить дѣло Константина относительно перевода книгъ на славянскій языкъ. Послѣдній имѣлъ время только на то, чтобы перевести самый чинъ богослуженія, въ каковомъ видѣ переводъ потомъ и оставался. Теперь Меѳодій нашелъ за нужное перевести и перевелъ, съ помощью, какъ надлежитъ думать, своихъ учениковъ, знавшихъ греческій языкъ, книги Священнаго Писанія или библію, Номоканонъ или Кормчую книгу и нѣкоторыя (неизвѣстно какія и сколькія) учительныя творенія отеческія [12]). Относительно славянскаго языка этого втораго или вторичнаго перевода едва ли уже кто нибудь будетъ предполагать, чтобы онъ былъ болгарскій, а не моравскій (хотя, говоря о первоначальномъ книжнославянскомъ языкѣ, ученые страннымъ образомъ вовсе и забываютъ про этотъ переводъ).

Послѣ многотрудной жизни св. Меѳодій скончался ровно тысячу лѣтъ тому назадъ отъ сегодняшняго дня, 6 Апрѣля 885 года, назначивъ передъ смертію въ свои преемники ученика своего, по имени Горазда, природнаго Морава и мужа ученаго. Тѣло его, провоженное надгробнымъ пѣніемъ, совершеннымъ на латинскомъ, греческомъ и славянскомъ языкахъ и оплаканное всѣмъ моравскимъ народомъ, положено было въ стольномъ городѣ Моравіи Велеградѣ, въ великой моравской церкви, т. е. въ каѳедрально-архіепископскомъ храмѣ.

Не по искреннему признанію и сочувствію, а вынуждаемые обстоятельствами и побуждаемые разсчетами, дозволили папы съ видимою великою благосклонностію славянское богослуженіе. Но если бы созданное Святополкомъ могущественное моравское государство оставалось существовать, то трудно было бы папамъ наложить потомъ на это богослуженіе свое veto и можетъ быть оно уцѣлѣло бы на всемъ славянскомъ западѣ (смѣнивъ, подразумѣвается, греческій обрядъ латинскимъ). Къ несчастію, могущественное государство Святополково было ни что иное, какъ весьма кратковременный сонъ: черезъ 14-ть лѣтъ послѣ его смерти, въ 908 г., оно было разрушено Венграми, а этимъ рѣшена была и судьба славянскаго богослуженія, въ смыслѣ смертельнаго ему приговора, на папскомъ славянскомъ западѣ [13]).

Навсегда сохранить у себя собственное славянское богослуженіе суждено было не Славянамъ западнымъ, а намъ—Славянамъ восточнымъ, о которыхъ Господь показалъ въ семъ случаѣ особое промышленіе. Константину философу или вообще какому бы то ни было Греку едва ли бы дано было византійскимъ правительствомъ дозволеніе на то, что-

бы ввести богослуженіе на собственномъ славянскомъ языкѣ у какихъ либо Славянъ восточныхъ; но, по особымъ разсчетамъ давъ Константину дозволеніе сдѣлать это для Славянъ западныхъ, оно уже не имѣло возможности воспрепятствовать, чтобы Славяне восточные заимствовали богослуженіе у Славянъ западныхъ и чтобы такимъ образомъ оно пришло къ нимъ, такъ сказать, обходомъ и окольнымъ путемъ. Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ Константинъ отправился въ Моравію вводить въ ней славянское богослуженіе, у Славянъ восточныхъ принялъ христіанство отъ Грековъ Борисъ, великій князь болгарскій; на славянское богослуженіе, дозволенное для однихъ Славянъ, Греки, естественно, не могли наложить своего формальнаго запрещенія въ отношеніи къ другимъ Славянамъ; притомъ же, какъ они по особымъ разсчетамъ дозволили богослуженіе, такъ по особымъ разсчетамъ одобрилъ его и папа, къ которому и можно было обратиться въ случаѣ формальнаго съ ихъ стороны запрещенія: а поэтому Борисъ и заимствовалъ наше богослуженіе отъ Моравовъ (во время архіепископствованія Меѳодіева), [14]) не препятствуемый Греками, которые должны были ограничиваться только тѣмъ, чтобы возставать противъ него (богослуженія) посредствомъ устныхъ порицаній. Болгарскому государству Бориса суждено было на довольно продолжительное время подпасть власти или игу Грековъ; но это случилось такъ сравнительно не скоро послѣ него, что славянское богослуженіе уже успѣло прочно укрѣпиться въ Болгаріи и она уже не могла быть совершенно очищена отъ послѣдняго. Но если бы даже это оказалось и возможнымъ, то передъ самымъ подпаденіемъ Болгаръ власти Грековъ приняли христіанство мы—Русскіе, чтобы послѣ заимствованія славянскаго бого-

служенія отъ Болгаръ явиться такими его хранителями, у которыхъ всякое посягательство на него было бы совершенно тщетно... Побѣдителямъ свойственно великодушіе, и такъ какъ мы въ нашемъ случаѣ находимся въ положеніи счастливыхъ побѣдителей, то мы должны великодушно простить Грекамъ этотъ ихъ эллинизмъ, хотѣвшій видѣть во всѣхъ другихъ народахъ только варваровъ. Въ то же время мы весьма должны и обязаны помнить, что нашими славянскими апостолами мы обязаны ни кому другому, какъ имъ же, —что если они держались притязательнаго ученія, будьто у всѣхъ новыхъ народовъ, имѣвшихъ принимать христіанство отъ нихъ, надлежало быть совершаемымъ богослуженію на одномъ ихъ греческомъ языкѣ, то изъ ихъ же именно среды, во искупленіе ихъ вины, изшелъ великій человѣкъ, который поднялъ свой голосъ противъ этого лжеученія и который въ приложеніи къ намъ—Славянамъ положилъ сему конецъ самымъ дѣломъ [15]).

Итакъ, Константинъ философъ сдѣлалъ для насъ—Славянъ то, что составилъ намъ собственную славянскую азбуку и перевелъ греческія богослужебныя книги на нашъ собственный славянскій языкъ. Онъ совершилъ для насъ великое дѣло. Но великость его дѣла и великость его заслуги для насъ не въ томъ, что сейчасъ указанное онъ сдѣлалъ, а въ томъ, что онъ возъимѣлъ мысль и ревность, и нашелъ въ себѣ мужество это сдѣлать. Не только составить азбуку такимъ образомъ, какъ составилъ нашу азбуку Константинъ,—чрезъ приложеніе къ готовому алфавиту нѣсколькихъ новыхъ буквъ, но и со всѣмъ вновь изобрѣсти ее, т. е. начертанія для буквъ, служащихъ къ обозначенію звуковъ языка, дѣло очень не трудное (хотя во времена Константина и было представляемо какъ весьма трудное); переводъ съ одного

языка на другой, пожалуй иногда и очень нелегкій, во всякомъ уже случаѣ не относится къ разряду дѣлъ великихъ. Но возъимѣть мысль и ревность, и имѣть мужество составить азбуку и сдѣлать переводъ книгъ, когда никто объ нихъ не думалъ, когда никто не находилъ ихъ нужными, когда всѣ были противъ нихъ, съ этой стороны совершенное Константиномъ дѣло дѣйствительно есть великое дѣло и его заслуга для насъ—Славянъ, дѣйствительно есть великая заслуга. Каждый народъ долженъ молиться Богу на своемъ собственномъ, понятномъ для него, языкѣ: ничего не можетъ быть безспорнѣе этого и такъ это и было въ христіанской церкви въ первые ея вѣка. Но потомъ безспорное стало отвергнутымъ: Греки и Римляне измыслили ученіе, будьто весь христіанскій міръ долженъ молиться Богу только на ихъ двухъ языкахъ—греческомъ и латинскомъ. Не явись Константинъ философъ, т. е. я хочу сказать — не воздвигни его намъ—Славянамъ Господь по своему неизреченному къ намъ милосердію, и мы вмѣсто своего роднаго славянскаго языка слушали бы богослуженіе, какъ это было съ другими народами и какъ это не по винѣ Константина случилось съ частію и самихъ Славянъ, на чужомъ языкѣ: Славяне западные, большинству которыхъ суждено было только слишкомъ недолгое время имѣть у себя родное славянское богослуженіе,—на языкѣ латинскомъ, а мы—Славяне восточные—на языкѣ греческомъ.

Въ настоящее время мы вовсе не въ состояніи и представить себѣ, чтобы богослуженіе могло совершаться у насъ не на нашемъ славянскомъ языкѣ, а на чужомъ — греческомъ; но это отъ того просто, что мы слишкомъ уже привыкли къ существующему порядку, почему иной порядокъ для насъ и немыслимъ; а между тѣмъ—не явись Константинъ фило-

софъ съ своимъ дѣятельнымъ въ приложеніи къ намъ протестомъ противъ такъ называемаго греко-римскаго тріязычія (или, что̀, конечно, должно быть подразумѣваемо,—другой, подобный ему, великій человѣкъ), и богослуженіе было бы совершаемо у насъ именно на греческомъ языкѣ и мы бы заняли отъ Грековъ, усвоили себѣ и содержали вѣру въ это такъ называемое тріязычіе (какъ напр. усвоили себѣ ихъ ученіе, будьто всѣ новые народы, принимавшіе отъ нихъ христіанство, а въ томъ числѣ и мы сами, не имѣли права на церковно-административную самостоятельность и должны были находиться подъ властію патріарха Константинопольскаго). Но богослуженіе на чужомъ языкѣ, вѣдь это есть то, что—„я пошелъ было въ церковь молиться Богу, а тамъ служатъ не по-нашему: я такъ и простоялъ всю службу истуканомъ, не понявъ ни единаго слова и не зная, когда крестить свой лобъ“. Выраженіе „истуканъ“, можетъ быть, есть выраженіе не особенно приличное; но большинство людей, принужденныхъ молиться Богу за общественнымъ богослуженіемъ, совершаемымъ на чужомъ языкѣ, представляютъ собою именно то въ высшей степени грустное для зрѣнія, что̀ можетъ быть обозначено только нашимъ выраженіемъ. Человѣкъ образованный, если и не понимаетъ каждаго слова, которое слышитъ за богослуженіемъ въ чтеніи, пѣніи и возглашеніяхъ, то по крайней мѣрѣ можетъ быть знакомъ съ общимъ смысломъ всего, что̀ слышитъ: но простой темный человѣкъ, человѣкъ той народной массы, которую составляетъ въ каждомъ народѣ рѣшительное большинство людей, присутствуя за этимъ богослуженіемъ на чужомъ языкѣ, совершаемымъ будьто бы для него, вовсе и нисколько его не понимаетъ. Для темной народной массы церковь съ ея богослуженіемъ

составляетъ единственное, доступное ей, училище вѣры и благочестія, и это-то единственное училище, въ случаѣ совершенія богослуженія на чужомъ языкѣ, совсѣмъ утрачиваетъ для ней свое значеніе и совсѣмъ перестаетъ быть нашимъ училищемъ. Такимъ образомъ, богослуженіе у народа на чужомъ, непонятномъ для него, языкѣ есть явленіе, не говоря обо всей его странности, столько печальное, что трудно и выразить всю его печальность. Мы—Русскіе, вмѣстѣ съ другими восточными Славянами, избѣжали несчастной судьбы слушать богослуженіе на чужомъ для насъ греческомъ языкѣ; съ самой первой минуты принятія нами христіанства оно начало быть совершаемо у насъ на нашемъ собственномъ славянскомъ языкѣ: этимъ-то величайшимъ благодѣяніемъ мы обязаны великому человѣку, память тысячелѣтія котораго празднуемъ сегодни—Константину философу.

Но съ самой первой минуты принятія христіанства мы — восточные Славяне начали не только слушать богослуженіе на своемъ собственномъ славянскомъ языкѣ, а и читать на немъ же Священное Писаніе и творенія греческихъ отцовъ. Это благо едва ли есть меньшее, чѣмъ возможность слушать богослуженіе на своемъ собственномъ языкѣ. Между тѣмъ, если бы Константинъ философъ не провозгласилъ, что мы—Славяне, какъ и всѣ другіе народы, имѣемъ право слушать богослуженіе на своемъ языкѣ, и не сдѣлалъ перевода на нашъ языкъ богослужебныхъ книгъ: то весьма можно сомнѣваться, чтобы, помимо права имѣть богослуженіе на своемъ языкѣ, мы сознали право имѣть на немъ Священное Писаніе и творенія отцовъ и чтобы помимо перевода богослужебныхъ книгъ мы рѣшились перевести первое и переводить послѣднія. А такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вѣроятно,

что, не воздвигни намъ Богъ Константина философа, мы имѣли бы все относящееся къ вѣрѣ на греческомъ языкѣ, или, иначе сказать, что вся вѣра погружалась и оставалась бы для насъ во мракѣ этого послѣдняго языка..,

Но не напрасно празднуютъ вмѣстѣ съ нами память тысячелѣтія первоучителей и наши несчастные братья — западные Славяне. Большинству ихъ не суждено было сохранить у себя роднаго славянскаго богослуженія. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно — было ни чѣмъ инымъ, какъ дѣломъ величайшей благости къ нимъ Промысла, что богослуженіе все таки было приносимо къ нимъ и что они слышали его у себя хотя недолгое время. Славянамъ этимъ предопредѣлено было многовѣковое чужеземное иго и они подвергались величайшей опасности, вслѣдъ за свободою утратить и самую національность. Провидѣніе не хотѣло, чтобы съ ними случилось это крайнее изъ несчастій, какія могутъ случаться съ народами, и здѣсь-то, какъ надлежитъ имѣть увѣренность, истинный и глубокій смыслъ того, что славянскія богослужебныя книги были даваемы въ обладаніе западнымъ Славянамъ лишь на короткое время, повидимому, безъ всякаго смысла. Чтобы Славяне эти, обреченные на многовѣковое иноземное рабство, совсѣмъ не погибли подъ гнетомъ рабства для славянскаго міра, нужно было пробудить въ нихъ чувство ихъ славянской національности, нужно было оставить имъ на вѣка рабства нѣчто такое, что бы постоянно поддерживало въ нихъ это чувство и постоянно напоминало имъ, что они суть Славяне и должны остаться Славянами: въ этихъ-то видахъ Провидѣніе и устроило, чтобы введеніе собственнаго славянскаго богослуженія началось именно съ нихъ, хотя навсегда остаться ему суждено было и не у нихъ. Слишкомъ недолго приш-

лось западнымъ Славянамъ молиться по славянскимъ книгамъ Константина; но чрезвычайно важно было то, что они видѣли у себя и слышали апостола славянской народности, — что они слышали нѣкоторое время это собственное славянское богослуженіе и держали въ своихъ рукахъ эти собственныя славянскія книги,—что они имѣли нѣкоторое время свою собственную національную церковь. Всего этого они уже никогда не могли забыть, и постоянная живая память обо всемъ этомъ, постоянное горячее желаніе, чтобы все это снова возвратилось, должны были въ годы ихъ рабства могущественнымъ образомъ поддерживать въ нихъ чувство ихъ славянской національности. Не суждено было славянскимъ книгамъ Константина дойдти до Славянъ балтійскихъ (разумѣемъ все остальное многочисленное племя этихъ Славянъ, за исключеніемъ Сербовъ лужицкихъ); но если бы случилось это послѣднее, если бы они, подобно Моравамъ и другимъ западнымъ Славянамъ, имѣли у себя славянское богослуженіе въ теченіе хотя очень недолгаго времени, то, можетъ быть, и отъ нихъ сохранилось бы болѣе, чѣмъ одно имя.

Такова величайшая услуга, оказанная славянскому міру истинно великимъ человѣкомъ Константиномъ философомъ, или — какъ это надлежитъ разумѣть и выражать по всей точности, таково величайшее благодѣяніе, совершонное имъ для славянскаго міра. Человѣческія страсти надменнаго самомыслія и властолюбія создали ложное ученіе, будьто для христіанскаго общественнаго богослуженія у всѣхъ народовъ предназначены Богомъ только два языка—греческій и латинскій, и намъ — Славянамъ вмѣстѣ со всѣми другими новыми европейскими народами предстояло слушать его у себя на томъ или на другомъ изъ чужихъ названныхъ языковъ. Но Константинъ фило-

софъ выступилъ ниспровержителемъ измышленнаго людьми ученія и даровалъ намъ — Славянамъ богослуженіе на нашемъ собственномъ славянскомъ языкѣ, такъ что мы—Славяне, представляя собою въ семъ случаѣ людей, къ которымъ была явлена исключительная милость Божія, получили возможность слушать его не на чужомъ, а на своемъ языкѣ съ самаго начала у насъ христіанства; при этомъ съ нашею возможностію соединена была другая, не менѣе важная, возможность,—чтобы съ самаго начала христіанства мы стали читать на своемъ славянскомъ языкѣ Священное Писаніе и творенія греческихъ отцовъ. По неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія не всѣмъ славянскимъ народамъ суждено было воспользоваться возможностію, и именно — не суждено было воспользоваться ею большей части той западной половины народовъ, одинъ изъ принадлежащихъ къ которой вызвалъ Константина на его великое дѣло; но и для этой половины народовъ славянскія книги Константина, бывъ даны имъ въ кратковременное пользованіе, имѣли чрезвычайно важное и чрезвычайно благодѣтельное значеніе въ отношеніи къ охраненію и поддержанію въ нихъ чувства ихъ славянской національности. А посему-то настоящій торжественный день тысячелѣтней памяти св. Константина философа съ продолжителемъ и довершителемъ его дѣла св. Меѳодіемъ и празднуется съ одинаковымъ одушевленіемъ всѣми Славянами; посему-то настоящій день и есть день истинно всеславянскаго празднества.

Великіе люди посылаются Богомъ народамъ, чтобы они совершали бо̀льшее или меньшее на благо послѣднихъ. Въ свою очередь народы обязуются благоговѣйно хранить память своихъ великихъ людей. Нельзя сказать, къ сожалѣнію, чтобы мы—Славяне

свободны были отъ всякаго упрека относительно исполненія обязанности благоговѣйно хранить память нашихъ первоучителей. Первое нѣкоторое время память эта хранилась очень живо, и всякій грамотный Славянинъ зналъ, что грамоту намъ сотворилъ и книги преложилъ святый Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, въ сотрудничествѣ съ братомъ своимъ святымъ Меѳодіемъ; но потомъ мало по малу память пришла въ забвеніе. Пожелаемъ искренно, чтобы воскрешенная ко дню тысячелѣтія она не погружалась болѣе въ прежнее забвеніе и осталась быть сохраняемою нами по-должному. Въ настоящее время у насъ въ Россіи пробудилась наконецъ нѣкоторая заботливость о распространеніи въ народѣ грамотности и народъ нашъ почувствовалъ наконецъ охоту къ ней: если бы въ азбукахъ и книжкахъ для народа принято было за непремѣнное сообщать свѣдѣнія о свв. Константинѣ и Меѳодіи, тогда бы и у насъ, какъ было въ первое время послѣ смерти первоучителей, каждый грамотный человѣкъ сталъ знать: кто намъ грамоту сотворилъ и кто книги преложилъ.

Отъ всей глубины душевной и отъ всей полноты сердечной возгласимъ со многими милліонами нашихъ братьевъ, одинаково съ нами празднующихъ настоящій день: великимъ благодѣтелямъ славянскихъ народовъ, славянскимъ первоучителямъ и апостоламъ, святымъ Константину и Меѳодію, да будетъ и пребудетъ вѣчная память!

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Изъ дошедшаго до насъ значительно длиннаго ряда сказаній о свв. Константинѣ и Меѳодіи единственно современныя и единственно достовѣрныя сказанія суть пространныя славянскія житія ихъ, извѣстныя подъ именемъ Паннонскихъ. Что же касается до всѣхъ остальныхъ сказаній, то всѣ онѣ суть позднѣйшія и въ своемъ содержаніи представляютъ или простое сокращеніе Паннонскихъ житій (одно сказаніе, о которомъ сейчасъ, вмѣстѣ съ Паннонскимъ житіемъ Константина сокращаетъ слово на перенесеніе мощемъ Климента), или же, — что̀ наибольшею частію, — сокращеніе житій съ дополненіями и поправками къ нимъ разнаго легендарнаго характера (отъ не невѣроятнаго само по себѣ до совершенно нелѣпаго). Относительно Паннонскаго житія Константинова необходимо думать, что оно написано еще при жизни Меѳодія, именно—что послѣдній, глубоко благоговѣя передъ памятью своего великаго брата, самъ позаботился увѣковѣчить ее и продиктовалъ житіе одному изъ своихъ учениковъ: будучи упоминаемъ въ немъ, Меѳодій ни одного раза не чествуется эпитетами: *святый*, *блаженный*, какъ это непремѣнно было бы, если бы оно было написано уже послѣ его смерти (не иначе, какъ указаніе на то, что житіе написано еще при жизни Меѳодія, должно быть понимаемо и одно умолчаніе въ немъ сравнительно съ житіемъ втораго, именно—что въ самомъ римскомъ высшемъ духовенствѣ, помимо папы, многіе были противъ славянскихъ книгъ). Житіе Меѳодія написано однимъ изъ его личныхъ учениковъ, но не Моравомъ, (ибо о Моравахъ авторъ говоритъ какъ о народѣ, который былъ для него чужой), а по всей вѣроятности Болгариномъ (о болгарскихъ ученикахъ Меѳодія cfr ниже, а еще о признакахъ, что авторъ былъ Болгаринъ, въ примѣч. 4-мъ; если онъ—авторъ съ приличною почтительностію говоритъ о па-

пѣ, котораго называетъ апостолникомъ, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы онъ принадлежалъ къ римской церкви; равнымъ образомъ послѣдняго нисколько не слѣдуетъ и изъ того, что онъ говоритъ не о семи, а только о шести вселенскихъ соборахъ: въ статьѣ о нашихъ соборахъ, читаемой въ Схоластиковой Кормчей, которая переведена именно Меѳодіемъ, ихъ шесть, а не семь, ибо въ самой греческой церкви седьмой вселенскій соборъ началъ быть всѣми признаваемъ за вселенскій только со времени Фотія), и слѣдуетъ думать, что еще до разрушенія моравскаго государства Венграми или до 908 г. (ибо послѣ разрушенія моравскаго государства едва ли бы авторъ сказалъ, что когда Меѳодій перешолъ изъ Паннонiи въ Моравію въ санѣ архіепископа послѣдней, то „и моравьска область тольми паче пространити (ся) начатъ во вся страны и врагы своя побѣжати и съ испогрѣшеніемъ, *яко и сами повѣдаютъ присно*“. Паннонскими житія названы совершенно неправильно). Изъ прочихъ сказаній принимаются за современныя: латинское сказаніе, извѣстное подъ именемъ Vita cum translatione S. Clementis или Legenda Italica, и греческое пространное житіе Климента Бѣлицкаго, ученика (будто бы) Константина и Меѳодія. Но Vita cum translatione, представляющая собою сокращеніе Паннонскаго житія Константинова съ дополненіемъ изъ слова на перенесеніе мощей Климента, принадлежитъ не современнику Константина, упоминаемому въ его житіи, Гавдерику, епископу велитренскому, бывъ заимствована изъ написанной по порученію послѣдняго діакономъ римской церкви Іоанномъ Vita sive historia Sancti Clementis, а жившему въ концѣ XI—началѣ XII вѣка Льву Марсиканскому, епископу Остіенскому. Объ открытіи мощей св. Климента Константиномъ (при чемъ могло бы быть и о немъ самомъ) діаконъ Іоаннъ предполагалъ говорить въ третьей части своей исторіи Климента; но эта третья часть не была имъ написана по причинѣ случившейся смерти. Что Vita cum transl. принадлежитъ Льву Остіенскому, это ясно видно изъ свидѣтельства писателя конца XIII вѣка Іакова de Voragine, который, кратко говоря по Льву объ открытіи Константиномъ и о принесеніи имъ въ Римъ мощей св. Климента, приводитъ начальныя слова его сказанія о семъ, оказывающіяся именно начальными словами нашей Vita cum transl. (Refert Leo Ostiensis episcopus, quod *tempore, quo Michaël imperator novae Romae imperium re-*

gebat), а также изъ свидѣтельства писателя второй половины XIV вѣка Петра de Natalibus (откуда въ Vita cum transl. взялась Georgia,—въ спискѣ Болландд.: Gloria, mitropolis, передѣлываемая Іаковомъ de Voragine въ civitatula Georgia, и откуда у Петра de Natalibus—Philippus и почему этотъ Philippus есть у него, послѣ de Voragine, особое лицо отъ Cyrillus episcopus, не трудно догадаться или доискаться всякому). Авторъ пространнаго Климентова житія выдаетъ себя за приближеннаго ученика Климента, ученика (будто бы) Константино-Меѳодіева, скончавшагося въ 916 году; но на самомъ дѣлѣ онъ былъ не ученикъ Климента и вообще не младшій современникъ учениковъ Константино-Меѳодіевыхъ, а позднѣйшій невѣжественно-беззастѣнчивый греческій фальсификаторъ (подъ которымъ никакъ нельзя разумѣть и архіепископа Ѳеофилакта). О сочиненіяхъ Климента, которыя будто бы были писаны на его глазахъ, онъ говоритъ: «слышно (ходитъ, носится слухъ), что всѣ они сохраняются людьми трудолюбивыми (φέρεται γὰρ ταῦτα πάντα παρὰ τοῖς φιλοπόνοις σωζόμενα,—§ 22): могъ ли такъ сказать ученикъ Климента? Онъ писалъ послѣ того, какъ каѳедра архіепископіи (патріархіи) болгарской принесена была въ Ахридъ (§ 23): а это послѣднее случилось только въ 1014—15 году. О Климентѣ, поставленномъ въ епископы дремвицкіе или велицкіе, онъ говоритъ, что «такимъ образомъ Климентъ поставляется первымъ епископомъ болгарскому языку» (§ 20): но это есть совершеннѣйшая нелѣпость (крещеніе Болгаръ, авторъ относитъ къ 869 г.,—§ 4 fin.; въ гражданской болгарской исторіи онъ не знаетъ, что Борисъ—Михаилъ не умеръ на великокняжескомъ престолѣ, а оставилъ послѣдній для монашества, и что старшій сынъ Бориса Владимиръ также не умеръ на престолѣ, а былъ низведенъ съ него отцомъ или согнанъ братомъ,—§ 19). Славянскую дѣятельность Константина и Меѳодія (при чемъ первый называется не Константиномъ, а уже Кирилломъ, и представляется не главнымъ дѣйствующимъ, а, обратно дѣйствительности, помощникомъ втораго), авторъ начинаетъ крещеніемъ Болгаръ (для которыхъ будто бы совершенъ и переводъ) потому, что онъ желаетъ, имѣя это одною изъ нарочитыхъ тенденцій своего житія, превратить въ дѣйствительный фактъ сложившееся у Болгаръ преданіе, будто они обращены въ христіанство первоучителями. Отвѣтивъ на вопросъ: зачѣмъ же бы Константинъ и Меѳодій послѣ проповѣди въ Болгаріи пошли въ

Римъ къ нашѣ, съ греческою легкостью и ловкостію, что — «поелику знали, какъ и Павелъ сообщалъ о благовѣстіи апостоламъ», авторъ представляетъ затѣмъ дѣло такимъ образомъ, что князь Коцелъ былъ владѣтелемъ (независимымъ) всей Паннонін (§ 4), — что Моравъ (городъ съ небольшимъ округомъ, — ὁ Μόραβος, но не Моравія) былъ удѣломъ въ Коцеловой Паннонін и что Меѳодій поставленъ былъ папою въ епископы этой послѣдней части митрополіи Паннонской съ правами епископа автокефальнаго или архіепископа (§ 2 нач. и далѣе, т. е. латинское названіе архіепископа, что̀ значитъ митрополитъ, принимается авторомъ въ греческомъ смыслѣ епископа, независимаго отъ мѣстнаго митрополита)! Заставляя Меѳодія, автокефальнаго епископа митрополіи Паннонской, быть въ продолженіи 24 лѣтъ (§ 6) учителемъ владѣтеля всей Паннонін Коцела и его вассала князя моравскаго, авторъ оставляетъ его (Меѳодія) въ то же время учителемъ и князя болгарскаго Бориса (§ 4)! *) Изгнаніе изъ Моравіи учениковъ Меѳодіевыхъ авторъ сочиняетъ на основаніи двухъ источниковъ: болгарскихъ извѣстій, что нѣкоторые ученики Меѳодія трудились и окончили жизнь въ Болгаріи и посланія къ Святополку папы Стефана V, въ которомъ повелѣвается изгнать ихъ изъ Моравіи (см объ этомъ ниже). Послѣ 1014—15 г. наше житіе написано въ продолженіе XI вѣка до 1118 г. (ибо имъ пользуется составитель такъ называемаго Дюканжева каталога болгарскихъ архіепископовъ, который составленъ не позднѣе втораго указаннаго года, см. нашу книгу Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, стрр. 38 и 44). Одну изъ нарочитыхъ тенденцій,

---

*) Въ своемъ неудержимо-краснорѣчивомъ сочинительствѣ о Константинѣ и Меѳодіи авторъ доходитъ до того, что заставляетъ папу встрѣчать ихъ при ихъ входѣ въ Римъ, какъ святыхъ. По Паннонскому житію Константина, папа вышелъ на встрѣчу послѣднему крестнымъ ходомъ ради мощей св. Климента, которыя онъ несъ съ собой; нашъ авторъ умалчиваетъ о мощахъ и у него — крестный ходъ ради самихъ первоучителей. Равнымъ образомъ и преславныя чудеса, которыя, по Паннонскому житію, Богъ сотворилъ черезъ мощи, по нашему автору сотворены были Богомъ чрезъ самихъ первоучителей (§ 3).

которыя имѣлъ авторъ при написаніи житія, мы указали сейчасъ; но была у него и другая нарочитая тенденція, и это — доказать нѣчто уже не въ пользу Болгаръ, а противъ нихъ. Въ продолженіе XI вѣка, когда написано наше житіе, въ Болгаріи, подпавшей съ 1019 г. игу Грековъ, какъ это необходимо думать, было подавляемо славянское богослуженіе (cfr помянутой нашей книги стр. 40 sqq и другія), и нашъ авторъ, желая содѣйствовать успѣху этого подавленія или облегчить его, хочетъ доказать Болгарамъ посредствомъ житія, что напрасны ихъ ссылки на то, будто славянское богослуженіе введено у нихъ первоучителями Константиномъ и Меѳодіемъ (необходимость каковой ссылки, замѣтимъ кстати, должна быть считаема одною изъ причинъ сочиненія Болгарами преданія, будто христіанство водворено у нихъ первоучителями). Болгарскаго князя Бориса, — говоритъ авторъ, блаженные отцы Меѳодій и Кириллъ обратили въ христіанство посредствомъ проповѣди на греческомъ языкѣ и сдѣлали его приверженцемъ (почитателемъ) этого во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго языка (§§ 2 и 4); но потомъ, видя скотоподобную тупость болгарскаго народа, они нашли необходимымъ изобрѣтеніе азбуки и переводъ (§ 2, cfr 21 и 22), но переводъ не богослужебныхъ книгъ (о чемъ авторъ вовсе не говоритъ), а Священнаго Писанія (τῶν θείων γραφῶν,—§ 2 и вездѣ далѣе, cfr прим. 13); за тѣмъ онъ представляетъ дѣло такъ, что будто бы при Климентѣ, ученикѣ Меѳодіевѣ, богослуженіе совершаемо было въ Болгаріи на греческомъ языкѣ (ἱερεῖς δὲ πολλοὺς Βουλγάρους δυσζυνέτως ἔχοντας τῶν γραικικῶν, ὧν περὶ τὴν ἀνάγνωσιν μόνην ἐνετρίβησαν γράμμασι,—§ 22: многіе болгарскіе священники, не выучиваясь греческому языку, выучивались только читать по-гречески, очевидно, за тѣмъ, чтобы служить по греческимъ книгамъ; а подъ прощальнымъ даромъ Климента болгарской церкви,—§ 26, должно быть разумѣемо не совершеніе перевода, а пріобрѣтеніе и собственноручное написаніе греческаго подлинника). Т. е. авторъ нашего житія хочетъ сказать Болгарамъ, которые стояли за подвергавшееся у нихъ преслѣдованію славянское богослуженіе, что креститель ихъ страны вел. кн. Борисъ былъ приверженцемъ прекраснаго греческаго языка,—что если Константинъ и Меѳодій рѣшились сдѣлать славянскій переводъ, то только увидѣвъ себя вынужденными къ этому скотоподобной тупостью современныхъ имъ Болгаръ, и сдѣлали переводъ не богослужебныхъ

книгъ, а Священнаго Писанія,—что богослуженіе при Климентѣ совершалось въ Болгаріи на греческомъ языкѣ и слѣдовательно—что оно введено въ ней только уже послѣ Климента какими-то неизвѣстными темными людьми (Если нѣкоторые наши ученые видятъ въ авторѣ житія Славянина и славянскаго патріота, то да проститъ имъ это Господь Богъ!— За наши сомнѣнія въ томъ, чтобы Климентъ былъ ученикомъ Константина и Меѳодія, мы уже удостоились не особенно лестныхъ отзывовъ; тѣмъ не менѣе это на самомъ дѣлѣ очень сомнительно. Если бы Климентъ, бывъ ученикомъ Константино-Меѳодіевымъ, жилъ при царѣ Симеонѣ, то слѣдовало бы ожидать, что онъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, что мы знаемъ положительно, и по своему внѣшнему положенію человѣкъ выдававшійся, получитъ отъ послѣдняго, какъ другіе подобные просвѣщенные люди, какія-нибудь книжныя порученія; между тѣмъ о такихъ порученіяхъ ничего неизвѣстно. Въ числѣ словъ Климента есть похвальное слово Константину первоучителю и похвальное слово Клименту римскому. Въ первомъ словѣ находимъ: что Константина Климентъ называетъ уже Кирилломъ,—что вовсе не выражается о немъ какъ о своемъ личномъ учителѣ,—что въ сообщеніи біографическихъ свѣдѣній о немъ и въ изображеніи его дѣятельности допускаетъ неточности. Во второмъ словѣ находимъ, что онъ не зналъ слова на перенесеніе мощемъ Климента, не знать котораго весьма странно было бы ученику Константинову, и что онъ описываетъ открытіе мощей вовсе не такъ, какъ оно происходило въ дѣйствительности. Какой епархіи Климентъ былъ епископомъ, рѣшить съ достовѣрностію нельзя: если онъ былъ епископомъ Струмицкимъ, см. нашего Краткаго очерка стр. 62, то, по всей вѣроятности, эта епархія открыта уже послѣ Симеона,—ibidd.; если же епархіи Драмицко—Великой, которая въ видѣ двухъ особыхъ епархій упоминается въ каталогѣ Льва Мудраго, — у Ралли и П. V, 483, то не имѣемъ никакихъ основаній относить ее и къ числу болгарскихъ епархій и въ этомъ случаѣ нужно будетъ предполагать, что онъ былъ епископомъ патріархата Константинопольскаго, и такъ какъ въ надписаніи словъ онъ называется епископомъ словенскимъ, но не болгарскимъ, то послѣднее какъ будто даже и вѣроятнѣе).

[2]) Покойный А. В. Горскій думалъ, что Константинъ путешествовалъ для преній съ магометанскими учеными не къ самому калифу въ Багдадъ, а къ эмиру Милитенскому. Но

государственное лицо, у котораго былъ Константинъ, называется въ его житіи америмніей (въ нѣкоторыхъ спискахъ ошибочно или не совсѣмъ правильно: амерміей) владыкой срачиньскимъ. Владыка срачиньскій, очевидно, есть самъ калифъ, а не одинъ изъ его эмировъ; америмнія есть тотъ же калифъ: греческія ἀμερούμνης,— въ славянскомъ америмнія, ἀμερούμνης, ἀμερμούμνης, ἀμεραμνούνης изъ арабскаго эмиръ-аль-муменинъ (глава правовѣрныхъ), каковое названіе составляло титулъ калифовъ. Наконецъ, великое богатство, роскошнѣйшіе дворцы и необыкновенные сады, показанные Константину, ясно указываютъ ни на кого иного, какъ на самого калифа (св. Димитрій Ростовскій беретъ свой городъ Самару, находившійся близъ Багдада, по-арабски: Сармеррая, Сарамарра и проч., изъ житія 40-ка амморейскихъ мучениковъ).

3) Въ посланіи папы Адріана къ Ростиславу и Коцелу, читаемомъ въ житіи Меѳодіевомъ: «не токмо бо у сего святительскаго стола просисте учителя, но и у благовѣрнаго царя Михаила, да посла вамъ блаженаго философа Коньстянтина и съ братомъ, дондеже мы не доспѣхомъ».

4) «Обрѣтъ же ту еуангеліе и псалтырь русьскыми письмены писано...» Что русскихъ письменъ въ смыслѣ славянскихъ (нашихъ русскихъ) до Константина вовсе не было и что онъ первый изобрѣлъ ихъ, это говорится въ житіи съ совершеннѣйшею ясностію; слѣдовательно—несомнѣнно, что въ нашемъ мѣстѣ оно говоритъ о русскихъ письменахъ не въ смыслѣ славянскихъ. Единственныя русскія письмена не въ смыслѣ славянскихъ, которыя могутъ быть съ вѣроятностію предполагаемы, суть письмена готскія, какъ это предполагалъ еще покойный Шафарикъ, cfr нашей Исторіи Русск. церкви, I, 1, 30. (Необходимо думать, сказали мы, что житіе написано еще при жизни Меѳодія, т. е. до 885 г.: какъ же могутъ быть разумѣемы въ немъ русскія письмена въ смыслѣ славянскихъ или нашихъ русскихъ?). Въ житіи вовсе не говорится, чтобы Константинъ выучился русскому языку, какъ понимаютъ это нѣкоторые, а говорится только, что онъ выучился читать по-русски (русскими письменами или буквами).

5) О причинѣ посольства Моравовъ къ Грекамъ въ обоихъ Паннонскихъ житіяхъ не говорится того, что необходимо должно быть предполагаемо и вмѣсто сего говорится—въ одномъ житіи, Константиновомъ, то, что̀, бывъ, при своей несовер-

менной опредѣленности, понимаемо такъ, какъ обыкновенно понимается, не можетъ быть принято, а въ другомъ житіи, Меѳодіевомъ,—явная несообразность.

Чтобы Моравы обратились съ какою нибудь церковною просьбою къ Грекамъ, не предлагая себя вмѣстѣ съ тѣмъ въ церковно-административную зависимость послѣднимъ, и чтобы Греки согласились удовлетворить просьбѣ, не принявъ одновременно съ тѣмъ Моравовъ въ свою церковную власть, предполагать этого совершенно невозможно, ибо значило бы предполагать то немыслимое, что патріархъ Константинопольскій, не оспаривая и не присвоя себѣ правъ на Моравію папы римскаго, рѣшился однако посягнуть на эти права, т. е. посягнуть на то, посягать на что самъ признавалъ себя не имѣющимъ права. Слѣдовательно—необходимо предполагать, какъ мы и предполагаемъ, что Моравы предложили себя въ церковную зависимость Грекамъ и были приняты послѣдними въ свою церковную власть. Но предложеніе должно было имѣть какую нибудь причину. Таковой, единственно вѣроятной, причиной должно быть считаемо то, что̀ указываемъ мы.

Житія не говорятъ о нашемъ подчиненіи Моравовъ Грекамъ, нѣтъ сомнѣнія, потому, что оно было слишкомъ кратковременно и что Греки остались съ нимъ какъ бы въ очень большомъ посмѣяніи и совсѣмъ въ опозореніи: не успѣли они принять Моравовъ въ свою власть, будучи исполнены надежды, что чрезъ славянскія книги крѣпко привяжутъ ихъ къ себѣ, какъ власть эта уже кончилась.

Не говоря того, что̀ необходимо должно быть предполагаемо, Паннонское житіе Константина говоритъ о посольствѣ слѣдующее: «веселящуся философу (по возвращеніи изъ Хазаріи) паки друга рѣчь приспѣ и трудъ не мьніи пръвыхъ, Ростиславъ бо, моравьскыи князь, Богомъ устимъ, съвѣтъ сътвори съ князи своими и съ Моравляны и посла къ царю Михаилу, глаголюще: людемъ нашимъ поганьства ся отвръгшемь и по христіаньскыи ся законъ дрьжащемь, учителя не имамы такого, иже бы ны въ свой языкъ истую вѣру христіаньскую съказалъ, да ся быша и ины страны, того зрящe, подобили намъ, то посьли ны, владыко, епископа и учителя такого, отъ васъ бо на вьсѧ страны всегда добрый законъ исходитъ.» Если не совсѣмъ опредѣленныя слова объ епископѣ и учителѣ, который бы сказалъ истую христіанскую вѣру въ свой языкъ, понимать такъ, что Моравы про-

сили у Грековъ епископа для своей страны, который поставилъ бы имъ (какъ его преемники продолжали бы потомъ ставить) низшее приходское духовенство изъ числа ихъ самихъ или изъ природныхъ Моравовъ (подразумѣвается—для богослуженія на греческомъ языкѣ): то понимаемая такимъ образомъ просьба будетъ имѣть полную вѣроятность. Моравы видѣли, что у Итальянцевъ и Нѣмцевъ хотя богослуженіе совершалось на латинскомъ языкѣ, но духовенство было свое природное: а что видѣли они у Итальянцевъ и Нѣмцевъ, того весьма могли пожелать и себѣ. Но если понимать указанныя слова такъ, какъ обыкновенно ихъ понимаютъ, т. е. что Моравы просили у Грековъ учителя-епископа, который бы перевелъ богослужебныя книги на ихъ славянскій языкъ, за наибольшую вѣроятность каковаго толкованія, по видимому, говорятъ и прибавительныя слова: «отъ васъ бо на вся страны всегда добрый законъ исходитъ»: то просьба Моравовъ къ Грекамъ будетъ представлять изъ себя нѣчто совершенно невѣроятное и невозможное. Ученіе латинской церкви, что общественное богослуженіе должно быть совершаемо только на двухъ языкахъ—греческомъ и латинскомъ было общепринятымъ въ ней и никѣмъ не отвергаемымъ ученіемъ (за исключеніемъ впрочемъ одного человѣка — Карла Великаго, который, подобно нашему Константину философу, возвышался надъ нимъ и говорилъ: ut nullus credat, quod nonnisi in tribus linguis Deus odorandus est, quia in omni lingua Deus odoratur, но и который разумѣлъ не общественное богослуженіе, а частную молитву); Моравы были народъ только что принявшій христіанство и еще далеко не ставшій настояще христіанскимъ,—и вдругъ этотъ еще полухристіанскій народъ заподозрилъ и нашелъ, что всѣми принимаемое ученіе его церкви есть лжеученіе: предполагать это значило бы отвергать (какъ уже мы сказали въ другомъ мѣстѣ) всякое историческое правдоподобіе и всякую историческую логику. Словами: „отъ васъ бо на вся страны...“, въ житіи, повидимому, объясняется, какъ Моравы могли обратиться къ Грекамъ съ своей просьбой, именно—что они просили отъ нихъ того, что̀ видѣли у нихъ: но мы положительно знаемъ, что Моравы вовсе не могли видѣть у современныхъ Грековъ того добраго, чтобы принимавшимъ отъ нихъ христіанство народамъ они давали богослуженіе на собственныхъ языкахъ, и что напротивъ у Славянъ, принявшихъ отъ нихъ христіанство, могли видѣть только то же именно самое, что̀ и у се-

бя—совершеніе богослуженія на греческомъ языкѣ. При нежеланіи говорить о настоящей причинѣ посольства, автору житія Константинова оставалось одно изъ двухъ: или вложить въ уста посламъ моравскимъ какую нибудь несообразную просьбу, какъ это дѣлаетъ авторъ житія Меѳодіева, или же, прибѣгая къ антиципаціи, вложить имъ въ уста просьбу о томъ, чего они не просили, но что дѣйствительно дано было имъ вслѣдствіе просьбы: это послѣднее онъ и дѣлаетъ. Чрезъ умолчаніе объ истинной причинѣ посольства, щадя честь Грековъ, авторъ житія и его радакторъ—Меѳодій, повидимому, приносятъ въ жертву послѣднимъ Константина, ибо весьма умаляютъ его заслугу: но Меѳодіемъ и его современниками, какъ и долго послѣ, великость совершеннаго Константиномъ дѣла полагалась главнымъ образомъ не въ томъ, что онъ пришелъ къ мысли о переводѣ книгъ, а въ томъ, что онъ далъ Славянамъ собственную азбуку, ибо составленіе азбукъ считалось въ древнее время дѣломъ мудрости сверхъестественной, такъ что существовавшія азбуки принимались за ниспосланныя Богомъ съ неба (cfr еще нашей Исторіи Русск. церкви, I, 2, стр. 285).

Несообразность, которую влагаетъ въ уста посламъ Моравскимъ авторъ житія Меѳодіева, есть: „суть въ ны вошли учители мнози христіане,—изъ Влахъ, и изъ Грекъ и изъ Нѣмецъ, учаще ны различь, а мы—Словени проста чадь и не имамы, иже бы ны наставилъ на истинну и разумъ сказалъ: то добрѣ, владыко, посли намъ мужъ, иже ны исправитъ всяку правду". Съ большею вѣроятностію должно думать, что эта несообразная просьба сочинена авторомъ житія по подобію той просьбы, съ которою Борисъ, великій князь Болгарскій (самъ прибѣгая къ нѣкоторому сочинительству) обращался къ папѣ,—Responsa ad consulta Bulgarorum. Какъбы то ни было, но замѣчательно то, что въ немъ ни опредѣленнымъ ни неопредѣленнымъ образомъ не усвояются Моравамъ просьбы о присылкѣ учителя, который бы перевелъ книги.

Что Греки были совершенно такіе же тріязычники (собственно двуязычники), какъ и латиняне, объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ Сказаніе черноризца Храбра о письменѣхъ и это несомнѣнно доказывается всѣмъ ихъ поведеніемъ въ Болгаріи вплоть до нашихъ нынѣшнихъ временъ. Настойчивость, съ которою Храбръ защищаетъ славянскія книги, предполагаетъ такую же настойчивость нападеній на нихъ со стороны Грековъ, а влагаемое имъ въ уста послѣд-

нихъ: „чесомуже суть словеньскы книгы? ни того бо есть Богъ сотворилъ ни ангели, не суть иждеконни, яко жидовьскы и римскы и еллинскы, ижде отъ кона суть и пріяты суть Богомъ", есть совершенно то же самое, что въ житіи Константиновомъ читается о латинянахъ (Если авторъ этого послѣдняго житія представляетъ дѣло такъ, что будьто бы императоръ дозволилъ Константину введеніе у Маравовъ богослуженія на ихъ собственномъ языкѣ съ великою радостію, то, вопервыхъ, редакторъ житія Меѳодій былъ Грекъ, вовторыхъ—необходимо думать, что онъ—Меѳодій при такомъ представленіи дѣла имѣлъ въ виду папу, именно—чрезъ примѣръ императора хотѣлъ обязать послѣдняго къ благосклонности по отношенію къ славянскимъ книгамъ. Въ житіи Меѳодіевомъ, котсрое, по всей вѣроятности, писано въ Болгаріи, послѣ того какъ здѣсь Греки несомнительно обнаружили истинныя свои чувства къ славянскимъ книгамъ, не только не говорится о великой радости императора, но въ словахъ, что Богъ явилъ Константину „словеньскы книгы" (азбуку,—помянутый взглядъ на изобрѣтеніе азбуки, какъ на великое дѣло) послѣ того, какъ онъ наложилъ себя на молитву „*и съ инѣми, иже бяху того же духа*", ясно дается знать, что люди Константинова духа представляли изъ себя только нѣчто особенное и исключительное).

6) Мнѣніе, будто Константину должна быть усвояема глаголица, а носящая его монашеское имя кириллица будьто должна быть усвояема Клименту, основывается на читаемомъ въ краткомъ греческомъ житіи послѣдняго, что онъ „измыслилъ и другія начертанія буквъ, болѣе ясныя, нежели какія изобрѣлъ мудрый Кириллъ". Но это свидѣтельство, если бы и понимать его такъ, какъ понимаютъ, т. е. объ изобрѣтеніи Климентомъ новой азбуки, заслуживало ли бы какой нибудь вѣры? Краткое житіе Климента, по своему достоинству еще значительно низшее, чѣмъ пространное, написано послѣ сего втораго (на которое авторъ его прямо ссылается,—§ 4), и если бы ему — Клименту дѣйствительно усвоялось изобрѣтеніе азбуки: то какъ бы не зналъ и какъ бы не сказалъ этого составитель старшаго житія? Но рѣчь нашего автора можетъ ли быть понимаема объ изобрѣтеніи Климентомъ азбуки? Вотъ его слова на греческомъ: ἐσοφίσατο δὲ καὶ χαρακτῆρας ἑτέρους γραμμάτων πρὸς τὸ σαφέστερον ἢ οὓς ἐξεῦρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος. Слово ἐσοφίσατο, что

значитъ: измыслилъ, придумалъ, и именно—измыслилъ, придумалъ остроумно, хитро, вовсе не идетъ къ изобрѣтенію азбуки, о которомъ могло быть употреблено только слово ἐξεῦρεν, какъ и употребляетъ его авторъ, говоря о Константинѣ (и какъ употребляетъ его, говоря о послѣднемъ, и авторъ пространнаго житія). Πρὸς τὸ σαφέστερον—для большей ясности, что̀ будетъ значить въ приложеніи къ начертаніямъ или изображеніямъ буквъ? Начертанія буквъ могутъ быть болѣе легкими или болѣе трудными для письма (для написанія); но чтобы они были болѣе ясными или болѣе темными, это—совершенная безсмыслица. Такимъ образомъ, какъ же разумѣть нашего автора? Возможно разумѣть его единственно такъ, что, думая основываться на пространномъ житіи Климента, онъ говоритъ о какомъ-то, и ему самому вовсе непонятномъ, хитромъ усовершенствованіи въ самой азбукѣ Константиновой, которое измыслилъ будьто бы Климентъ для достиженія той цѣли, чтобы написанное ею было болѣе ясно (просто) относительно своего смысла (πρὸς τὸ σαφέστερον). Въ пространномъ житіи, вопервыхъ, говорится, что Климентъ занимался обученіемъ грамотѣ дѣтей и именно — что однихъ знакомилъ *съ начертаніемъ буквъ* (τοῖς μὲν τῶν γραμμάτων χαρακτῆρα γνορίζων), а другимъ объяснялъ смыслъ написаннаго (§ 18), и вовторыхъ,—говорится, что, увидавъ крайнюю невѣжественность болгарскихъ священниковъ, не знавшихъ греческаго языка, чтобы читать греческихъ отцовъ, онъ (Климентъ) *измыслилъ средство* (μηχανᾶται) и противъ сего и разрушилъ стѣну невѣжества посредствомъ *измышленія* (τῷ μηχανήματι), а именно — составилъ на болгарскомъ языкѣ простыя и *ясныя* (απλοῦς καὶ σαφεῖς) слова на всѣ праздники (§ 22). Необходимо думать, что эти рѣчи пространнаго житія нашъ авторъ и понялъ о какомъ-то хитромъ указаннаго (невозможнаго) свойства упрощеніи Климентомъ азбуки Константиновой.

Въ обѣихъ азбукахъ — кириллицѣ и глаголицѣ буквы совершенно однѣ и тѣ же. Но въ нихъ обѣихъ есть нѣсколько буквъ лишнихъ и ненужныхъ для славянской рѣчи. Если мы предположимъ, что Константиномъ изобрѣтена кириллица, тогда будетъ для насъ совершенно понятно, за чѣмъ онъ внесъ въ славянскую азбуку эти ненужныя для ней буквы, т. е. тогда будетъ для насъ понятно, что онъ сдѣлалъ это затѣмъ, чтобы сполна перенесть въ нее азбуку греческую (или — что при составленіи своей славянской азбуки онъ поступилъ такъ,

чтобы прибавить нужныя по требованію славянской рѣчи буквы къ полной азбукѣ греческой). Но если мы предположимъ, что Константиномъ изобрѣтена глаголица, тогда остается для насъ вопросомъ, на который мы не придумаемъ никакого отвѣта: зачѣмъ онъ изобрѣталъ новыя начертанія для греческихъ буквъ, вовсе ненужныхъ въ славянской азбукѣ? (Совершенное тождество по формѣ нѣкоторыхъ буквъ глаголицы съ буквами кириллицы и образованіе нѣкоторыхъ другихъ буквъ безспорно по подобію кириллицкихъ могутъ указывать ни на что иное, какъ на младшинство первой азбуки противъ послѣдней).

Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что въ кириллицѣ буквы: *ц*, *ч* и *ш* взяты изъ еврейской азбуки. Мы знаемъ, что Константинъ зналъ еврейскій языкъ, и слѣдовательно — сейчасъ указанный признакъ идетъ къ нему, какъ къ изобрѣтателю нашей азбуки. Но будетъ ли основаніе предполагать, чтобы Климентъ могъ знать еврейскій языкъ? (Несправедливо признавая Константина за великаго оріенталиста, утверждать, будьто форма буквъ глаголической азбуки даетъ видѣть въ ея изобрѣтателѣ такого великаго оріенталиста, совершенно неосновательно; а представлять при этомъ дѣло такъ, будьто изобрѣтатель глаголицы собралъ буквы своей азбуки изъ всѣхъ восточныхъ азбукъ, устроя изъ нея своего рода азбучный пантеонъ, есть и чистая нелѣпость).

Если бы послѣ Константина была изобрѣтена Климентомъ въ Болгаріи другая азбука, то объ этомъ, конечно, зналъ бы черноризецъ Храбръ. А зная, онъ необходимо долженъ былъ бы объ этомъ говорить, ибо тогда ему нужно было бы защищать Славянъ отъ того упрека, что вмѣсто одной азбуки они имѣютъ двѣ ихъ. Но Храбръ, какъ извѣстно, ни слова не говоритъ о другой азбукѣ, кромѣ Константиновой (А если онъ отвѣчаетъ на возраженіе, что „нѣсть устроилъ добрѣ, понеже ся постраяють и еще“, то, какъ ясно изъ контекста рѣчи, т. е. изъ указанія на Акилу и Симмаха, разумѣетъ не азбуку, а переводъ). Можно не безъ вѣроятности думать, что и въ Болгарію во времена господства въ ней греческаго глаголица была заимствуема для той же цѣли, для которой изобрѣтена была въ Хорватіи. Извѣстно, что наши русскіе писцы пользовались ею между прочимъ именно для тайнописанія (вѣроятнѣйшимъ временемъ изобрѣтена глаголицы въ Хорватіи намъ представляется считать начало второй половины XI вѣка, когда на двухъ подъ рядъ

соборахъ, бывшихъ при папѣ Александрѣ II,—между 1061—1063 годами и въ послѣднемъ году, славянскому богослуженію въ странѣ произнесенъ былъ строгій запретительный приговоръ).

[7]) Въ Январѣ 861-го года Константинъ былъ въ Корсуни на пути въ Хазарію (надписаніе слова на преложеніе мощемъ Климента), а посольство моравское прибыло въ Константинополь, когда онъ возвратился изъ Хазаріи и когда уже успѣлъ написать свое помянутое полемическое сочиненіе. Съ другой стороны, онъ прибылъ въ Римъ въ началѣ 868 г. послѣ 40-мѣсячнаго пребыванія въ Моравіи и послѣ 8—10-мѣсячнаго приблизительно путешествія въ него изъ Моравіи (съ остановками у Коцела и у архіепископа). Положительное свидѣтельство о годѣ изобрѣтенія азбуки читается у Храбра и есть то, что она изобрѣтена „въ лѣто отъ созданія всего міра 6363“. Годъ 6363-й отъ сотворенія міра есть 855 й годъ отъ Р. Х.; но такъ какъ—съ одной стороны, это составляетъ грубую ошибку, а съ другой стороны—трудно допустить, чтобы Храбръ позволилъ себѣ такую ошибку, то представляется весьма вѣроятнымъ думать, что онъ имѣлъ у себя подъ руками хронологическую запись, въ которой годъ означенъ былъ по западному отъ Р. Х. и которую онъ самъ переложилъ на греческій счетъ отъ сотворенія міра, при чемъ у него изъ 863 (чрезъ прибавленіе 5500) и получилось 6363.

[8]) Что касается до времени именно Константинова послѣ папы Николая, то мнительный читатель можетъ смотрѣть 1-е правило собора въ храмѣ св. Софіи, бывшаго при Фотіи въ 879—880 гг.

[9]) Черноризца Храбра, который говоритъ: „аще ли кто речеть, яко нѣсть устроилъ добрѣ, понеже ся построяють и еще“ и пр., и слова котораго, какъ это у него совершенно ясно, должно разумѣть не объ азбукѣ, а о переводѣ.

[10]) Константинъ Порфирогенитъ въ своемъ сочиненіи De administrando imperio, cap. 30, сказавъ о Хорватахъ, поселившихся въ римской Далмаціи, прибавляетъ: ἀπὸ δὲ Χρωβάτων τῶν ἐλθόντων ἐν Δελματίᾳ διεχωρίσθη μέρος τι καὶ ἐκράτησε τὸ Ἰλλυρικὸν καὶ τὴν Παννονίαν. Мы думаемъ, что Славяне Коцеловой Паннонiи и были наши Хорваты.

[11]) Въ посланіи, писанномъ въ 880 г., папа говоритъ объ изобрѣтеніи славянской азбуки Константиномъ, умершимъ въ 869 г.: litteras sclavinicas, a Constantino *quodam* philo-

sopho reperias, jure laudamus, и на основаніи этого quodam нѣкоторые заподозриваютъ подлинность посланія. Но въ средневѣковой латини слово quidam употреблялось не только въ смыслѣ: кто-то, неизвѣстный, но и въ противоположномъ смыслѣ: такой-то, извѣстный.

[12]) Въ одномъ проложномъ сказаніи сообщается, что переводъ Библіи совершенъ Меѳодіемъ въ 6393 г. отъ С. М., подъ каковымъ годомъ, такъ какъ переводъ оконченъ былъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, долженъ быть разумѣемъ 884 г. отъ Р. Х. Намъ представляется весьма вѣроятнымъ думать, что сказаніе говоритъ на основаніи записи, которая читалась при самомъ переводѣ.

[13]) Авторъ пространнаго Климентова житія увѣряетъ, будто еретическая нѣмецко-латинская партія съ Вихингомъ во главѣ успѣла совершенно овладѣть Святополкомъ еще при жизни Меѳодія,—будто послѣ его смерти остраненъ былъ отъ архіепископской каѳедры назначенный имъ Гораздъ и возведенъ на нее Вихингъ и будто ученики Меѳодія, отданные Святополкомъ во власть Нѣмцамъ, были изгнаны послѣдними изъ Моравіи, при чемъ должно было бы подразумѣвать, что со смертію Меѳодія насталъ въ Моравіи и конецъ славянскому богослуженію (послѣдняго, вопреки всякому ожиданію, авторъ не высказываетъ прямо потому, что у него—Константинъ и Меѳодій не переводили богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ). Если бы можно было предполагать существованіе древняго славянскаго житія Климентова, тогда оставалось бы для насъ нерѣшеннымъ вопросомъ: не это ли житіе служило для автора источникомъ сообщаемыхъ имъ извѣстій; но несомнѣнно, что такого житія не было: въ случаѣ его существованія имя Климента внесено было бы въ славянскіе святцы, между тѣмъ какъ въ древнихъ славянскихъ святцахъ его вовсе нѣтъ (за единственнымъ исключеніемъ глаголическаго ассеманіева евангелія, въ святцы котораго оно внесено на основаніи именно нашего греческаго житія). Не предполагая существованія древняго славянскаго житія Климентова, источникомъ извѣстій нашего автора должно будетъ считать: вопервыхъ, то вѣдомое ему, что нѣкоторые ученики Меѳодія трудились и окончили жизнь въ Болгаріи, и вовторыхъ — посланіе папы Стефана V (по оффиціальному счету римской церкви—VI) къ великому князю (во время написанія посланія—уже королю) Святополку. Что касается до посланія, то, съ одной стороны, мы узна-

емъ изъ него, что тотчасъ послѣ смерти Меѳодія Вихингъ отправился въ Римъ и сильно оговорилъ умершаго предъ папой *), а съ другой стороны—читаемъ въ немъ распоряженія послѣдняго: въ преемники Меѳодію посылается Вихингъ; строго запрещается на будущее время славянское богослуженіе въ Моравіи; должны быть изгнаны изъ нея ученики Меѳодія въ случаѣ ихъ упорства и неповиновенія. Но былъ ли принятъ и признанъ Вихингъ Святополкомъ въ качествѣ преемника Меѳодіева, было ли прекращено въ Моравіи славянское богослуженіе и были ли изгнаны изъ нея ученики Меѳодіевы, все это положительнымъ образомъ остается для насъ совершенно неизвѣстнымъ. Въ области предположеній не представляется невѣроятнымъ допустить, что Святополкъ призналъ Вихинга, но представляется совершенно невѣроятнымъ допустить, чтобы онъ согласился прекратить у себя славянское богослуженіе (не добился у папы отмѣны его запрещенія) и дозволилъ изгнать учениковъ Меѳодіевыхъ. Т. е. допуская, что онъ призналъ Вихинга, нужно будетъ думать, что призналъ подъ условіемъ, чтобы славянское богослуженіе Меѳодія осталось въ странѣ неприкосновеннымъ. Думать же, чтобы онъ, подпавъ вліянію Вихинга и вообще Нѣмцевъ, согласился отказаться отъ славянскаго богослуженія, значило бы принимать, что онъ не во всю свою жизнь оставался доблестнымъ и мудрымъ представителемъ славянства, но что во вторую половину своего правленія онъ превратился въ какого-то дурачка и идіота. Лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть послѣ его смерти, при его сыновьяхъ (въ 899—900), даны были папою Моравіи архіепископъ и три епископа суффрагана, и такъ какъ всѣ они поставлены были изъ природныхъ Моравовъ (ибо итальянскіе епископы присылаемы были для поставленія въ самую Моравію), то со всею вѣроятностію должно думать, что были поставлены какъ епископы славянскаго, а не латинскаго богослуженія. Но если такъ, то и славянское богослуженіе не прекращало своего существованія въ Моравіи при Святополкѣ въ слѣдъ за смертію Меѳодія (Если бы въ Моравіи послѣ смерти Меѳодія случилось то, о чемъ баснословитъ авторъ Климен-

*) Будто бы даже, что Меѳодій произнесъ анаѳему на читающихъ символъ съ Filioque (а не на Вихинга, какъ перевираетъ посланіе папы авторъ житія).

това житія, то какъ не сдѣлалъ бы хотя какого нибудь намека на это авторъ Меѳодіева житія въ заключеніе своего повѣствованія? Нисколько не невѣроятно предположеніе Гинцеля, что посланіе папы Стефана къ Святополку есть просто поддѣлка Вихинга. А въ этомъ случаѣ нужно будетъ думать, что если Вихингъ и былъ принятъ Святополкомъ на указанномъ условіи, то тотчасъ же по обнаруженіи истины былъ съ позоромъ прогнанъ имъ. Болгарское преданіе о седмичисленникахъ полагаетъ въ числѣ ихъ и Горазда, но, вопервыхъ, это преданіе, по крайней мѣрѣ — относительно именъ седмичисленниковъ, вовсе не можетъ быть признано за совершенно достовѣрное, вовторыхъ—Гораздъ могъ удалиться изъ Моравіи въ Болгарію не послѣ смерти Меѳодія, а послѣ погрома мадьярскаго).

14) Когда и какъ заимствовалъ Борисъ славянское богослуженіе изъ Моравіи, положительнымъ образомъ это вовсе намъ неизвѣстно. Должно думать, что онъ посылалъ къ Меѳодію въ Моравію своихъ Болгаръ, чтобы они выучились у него славянской грамотѣ и пріобрѣли отъ него славянскія книги, и что эти-то посыланные къ Меѳодію Болгары и были вводителями въ Болгаріи славянскаго богослуженія (извѣстный Константинъ пресвитеръ, а потомъ епископъ, ученикъ Меѳодія, долженъ быть принимаемъ за одного изъ числа посыланныхъ; изъ седмичисленниковъ болгарскаго преданія положительно извѣстенъ намъ старецъ Наумъ,— нашего краткаго очерка стр. 707 fin., хотя и неизвѣстно, былъ ли онъ ученикомъ Меѳодія). Относительно времени заимствованія вѣроятно думать, что это было болѣе или менѣе вскорѣ послѣ занятія Меѳодіемъ каѳедры архіепископа Моравскаго.

15) Въ настоящее время не можетъ быть уже никакого сомнѣнія въ томъ, что Константинъ и Меѳодій были родомъ Греки, а не Славяне, какъ это послѣднее инымъ и до сихъ поръ хотѣлось бы думать. Паннонскія житія обоихъ братьевъ, кромѣ того, что всѣмъ своимъ разсказомъ ясно даютъ видѣть въ нихъ Грековъ, а не Славянъ, ненарочнымъ образомъ дѣлаютъ и прямыя показанія, что они были именно первое, а не послѣднее. Въ житіи Константиновомъ говорится, что умолили его — Константина учительный столъ пріяти между придворными профессорами „и учити философіи тогоземьцы и страньные“, т. е. учить того единоземцевъ или Грековъ и иностранцевъ. Въ житіи Меѳодіевомъ нахо-

димъ: вопервыхъ, что по поводу назначенія императоромъ его—Меѳодія на воеводство славянское самъ авторъ житія дѣлаетъ замѣчаніе: „реку же азъ, яко (императоръ назначилъ его воеводой) прозря, како и хотяше учителя Словеномъ послати, перваго архіепископа, да бы проучилъ ся всѣмъ обычаемъ словеньскымъ и обыклъ я по малу“, т е. будучи Грекомъ, проучился обычаямъ славянскимъ; вовторыхъ, что императоръ выставляетъ причиной своего желанія, чтобы въ Моравію отправился Константинъ съ Меѳодіемъ, а не кто нибудь другой, то, что—„вы бо еста Селунянина, да Селуняне вси чисто словеньскы бесѣдуютъ“, т. е., а солунскіе Греки всѣ хорошо говорятъ по-славянски. Покойный М. П. Погодинъ думалъ видѣть необыкновенно сильное возраженіе противъ греческой національности Константина и Меѳодія въ томъ, что—если Константинъ былъ Грекъ, а не Славянинъ, то какъ же онъ могъ такъ хорошо разумѣть духъ славянскаго языка, что сдѣлалъ такой чисто славянскій переводъ библіи и богослужеяныхъ книгъ. Но это возраженіе есть не болѣе какъ простое недоразумѣніе. Мы уже говорили, что подлинный языкъ перевода Константинова остается вовсе неизвѣстнымъ; но если бы у насъ были въ рукахъ и автографы его перевода и если бы изъ этихъ автографовъ оказалось, что дѣйствительно былъ сдѣланъ имъ очень чистый славянскій переводъ, то изъ сего нисколько бы не слѣдовало, что онъ очень хорошо зналъ по-славянски: зная по-славянски далеко не хорошо, онъ могъ сдѣлать очень чистый славянскій переводъ при помощи природныхъ Славянъ (а его великая заслуга по отношенію къ переводу, какъ уже мы говорили,—не въ томъ, что онъ сдѣлалъ его, а въ томъ, что онъ возымѣлъ мысль и рѣшимость сдѣлать его).